
Виолетта Весна
Черный лес, забери меня

Виолетта Весна

Черный лес, забери меня

«Автор»
2026

Весна В.

Черный лес, забери меня / В. Весна — «Автор», 2026

В тридцать два года я решилась снова выйти замуж. Мне хотелось простого женского счастья, теплого дома и мужчины, с которым можно разделить старость.Накануне свадьбы жених подарил мне серебряную накидку. Даже в холодной кладовой мех сохранял удивительное тепло.А ночью за ним пришел волчий князь.Оказывается, оборотни умеют снимать свои шкуры. Лишившись такой шкуры, волк теряет возможность обратиться зверем. И мой свадебный подарок принадлежал живой женщине, которую разыскивал ее брат.Наутро я оставила помолвочное кольцо на столе и бежала из собственного дома.Черный лес приютил меня. Здесь я узнала, сколько человеческих судеб скрывается за роскошью купеческих домов. И встретила мужчину, от одного прикосновения которого забывала о холоде осенних ночей.Я могла бы остаться с ним навсегда. Только сумеет ли волчий князь полюбить женщину, которую нельзя удержать даже любовью?

© Весна В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Серебро 5
Глава 2. Кольцо на столе 23
Глава 3. Ольховый дым 39
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Виолетта Весна
Черный лес, забери меня

Глава 1. Серебро

Мех оказался теплым.

Я заметила это раньше, чем увидела себя в зеркале. Ульяна принесла накидку из холодной кладовой, где даже в погожие дни приходилось кутаться в платок, а серебристый ворс согревал ладони, словно вещь только что сняли с чьих-то плеч.

– Выше руки, Варенька, – распорядилась тетушка Прасковья. – Не помни красоту.

Я послушно подняла локти. Портниха, приехавшая подогнать свадебное платье, обошла меня, придерживая подол, а тетка принялась расправлять мех на моих плечах. С каждой минутой ее лицо становилось все торжественнее.

– Ты только посмотри на себя.

Я посмотрела. В большом зеркале стояла женщина в темно-зеленом платье, с еще не уложенными волосами и серебряной накидкой, которая стоила, вероятно, больше, чем все платья в моем сундуке. Мех доходил почти до бедер и ложился мягкими складками. Воротник был так хорош, что даже непривычная тяжесть на плечах казалась частью его красоты.

Мне было тридцать два года, четыре из них я прожила вдовой. Завтра, первого числа, я собиралась снова выйти замуж.

Отражение выглядело куда спокойнее, чем я себя чувствовала.

– Красиво, – признала я.

– Красиво? – возмутилась тетка. – Да у половины Реченска глаза на лоб полезут! Савелий Фомич знает, чем порадовать женщину.

Савелий и в самом деле умел выбирать подарки. Дорогой безделушкой меня не удивишь, и он это знал. Если замечал, что я долго рассматриваю какую-нибудь вещь, запоминал. Прошлой весной подарил удобную дорожную шкатулку с отделением для бумаг, хотя большинство мужчин на его месте предпочли бы украшение. Летом раздобыл редкий сорт чая, который я пила еще при жизни Егора. Как-то посреди дождливой недели прислал четыре охапки сухих березовых дров, потому что однажды услышал, как я бранила сырые поленья.

Но серебряный мех был совершенно неожиданным подарком.

– Откуда он? – спросила я, осторожно проводя пальцами по воротнику.

– Из северных земель, – ответила тетка с таким видом, будто сама сопровождала товар через горы. – Савелий говорил, особенная выделка. Не намокает и тепло держит даже на ветру.

Ульяна, стоявшая возле дверей, с любопытством вытянула шею.

– А можно мне посмотреть поближе, госпожа?

– Иди сюда.

Девушка коснулась кончиками пальцев края накидки и тихо ахнула.

– Будто живой.

Тетка немедленно отдернула ее руку.

– Не трогай лишний раз. Еще испачкаешь.

– Прасковья Матвеевна, она только кончиками пальцев, – заметила я.

– А завтра кто отвечать будет, если на серебре пятно останется? Я?

Ворс отливал то белым, то серым, то едва заметной голубизной. Я провела ладонью против шерсти, любуясь оттенками, которым не находила названия.

Шерстинки мгновенно расправились и снова легли ровно.

– Застегните, пожалуйста, – попросила я портниху.

Та подняла тяжелую серебряную застежку, к которой был пришит широкий шелковый бант. Под украшением скрывалась сложная работа: несколько петель, тонкая кожаная полоса и подкладка из светлого шелка.

– Только аккуратно, – предупредила тетка.

– Я уже поняла, что сегодня в доме нет ничего важнее этой накидки.

Ульяна прыснула. Портниха спрятала улыбку, а тетка вздохнула.

– Ты и перед свадьбой умудряешься острить.

– И после, надеюсь, не перестану.

Я попыталась повернуть голову. Застежка натянула мех у горла.

– Вот это мне не нравится.

– Что именно?

– Он душит.

Тетка всплеснула руками.

– Такая работа! Посмотри на чеканку.

– На чеканку я посмотрела. Но мне придется в нем ужинать, разговаривать и, возможно, поворачивать голову.

Портниха осторожно переставила одну петлю. Стало легче, хотя тяжелый бант продолжал тянуть воротник вниз.

– На несколько часов можно потерпеть, – заключила тетка.

Спорить я устала. До свадьбы оставалось меньше суток, и все вокруг считали своим долгом объяснить мне, ради чего стоит немного потерпеть.

В дверь негромко постучали.

– Госпожа, – заглянула Ульяна, вернувшаяся из соседней комнаты с игольницей, – Савелий Фомич приехал.

Тетка оживилась.

– Вот пусть сам посмотрит!

– Он ее покупал, Прасковья Матвеевна.

– На тебе пусть посмотрит.

Я не успела ответить. Савелий вошел с обычной своей неторопливой уверенностью. На нем был темно-синий кафтан тонкого сукна, сапоги без дорожной грязи и широкий ремень с серебряной пряжкой. В сорок четыре года он сохранял прямую спину и хорошую осанку. Темные волосы на висках уже серебрились, но ему это шло. Он следил за собой без той нарочитости, которую я встречала у некоторых состоятельных горожан.

Увидев меня, он остановился. Смотрел несколько мгновений, и на его лице появилась довольная улыбка.

– Именно так я и представлял.

– А я все пытаюсь понять, что это за зверь, – сказала я.

Он подошел ближе.

– Редкий северный мех. Мастер, который его подготавливал, уверял, что другого такого сейчас в городе нет.

– Верю. Даже Прасковья Матвеевна перестала ругать меня за то, что я не заказала новый сундук для приданого.

– Потому что у тебя уже есть три, – напомнила тетка.

Савелий рассмеялся.

– Значит, не зря искал.

Он взял меня за плечи и повернул немного к свету. Я привыкла к его прикосновениям за последние месяцы. В них не было ни робости юноши, ни привычной бесцеремонности человека, считающего женщину уже своей. Савелий всегда словно спрашивал разрешения и обычно получал его.

– Тебе идет серебро, Варя.

– Даже с этим чудовищным бантом?

Он взглянул на застежку.

– А что с ним не так?

– Тяжелый. Если за ужином я вдруг замолчу, не думай, что потеряла дар речи от счастья.

Савелий осторожно поддел пальцем край украшения и ослабил его.

– Так лучше?

Я повернула голову.

– Значительно.

– Видишь, все можно устроить.

Эти слова он произносил часто. Иногда шутя, иногда совершенно серьезно. Мне нравилось слышать их, особенно в те дни, когда на моем столе лежали неоплаченные счета, за воротами спорили возчики, а в кухне жаловались, что в городе опять подорожала мука.

За четыре года я привыкла устраивать все сама: утром разбираться с протекающей крышей, днем принимать возчиков, вечером встречать родственников, которые приходили убедиться, что я еще не растеряла наследство покойного мужа. Никто не желал мне зла. Просто у всех были свои представления о том, как следует жить одинокой вдове.

Савелий появился в тот момент, когда я начала уставать даже от собственного благоразумия.

Он предложил арендовать Старый перевоз на выгодных для меня условиях. Договор составил хороший, но не обиделся, когда я настояла на дополнительных пунктах. Не смеялся над моими расчетами и не советовал бросить хозяйство ради вышивания. Потом стал приезжать просто так: выпить чаю, сходить на речную набережную, послушать, как я жалуюсь на разбитые мостовые.

Мне было с ним спокойно. Сейчас он поправил на моем плече мех, и я подумала, что завтра мы станем мужем и женой.

Мысль не испугала меня. Только отозвалась странным волнением где-то под ребрами.

– Я хотел бы, чтобы ты надела его к свадебному ужину, – сказал Савелий. – Придут несколько гостей из других городов. Они наверняка оценят такую работу.

– А я думала, ты покупал мех для меня.

– Конечно, для тебя. Но разве мне нельзя немного похвастаться своей красивой женой?

Тетка довольно закивала.

– Еще бы!

Я посмотрела на жениха. Он улыбался, и мне стало неловко за внезапное желание возразить.

В конце концов, накидка действительно была прекрасной. Почему бы не доставить ему удовольствие?

– Хорошо. Только застежку пусть укрепят так, чтобы я могла есть.

– Договорились.

Он наклонился и поцеловал меня в висок. От него пахло хорошим табаком, холодным воздухом и тем терпким мылом, которое я однажды похвалила. С тех пор другого он, кажется, не покупал.

Я улыбнулась. После стольких одиноких зим мне было приятно, что кто-то помнил даже такие мелочи.

К вечеру дом напоминал пристань в день большой отправки. Все ходили с поручениями, никто не знал, кто отвечает за горячую воду, а любая пропажа объяснялась тем, что вещь наверняка забрали люди из другого конца дома.

Две кухарки поссорились из-за печи. Ульяна обнаружила, что для гостей приготовили на шесть полотенец меньше, чем требовалось. Привезенные из соседнего села яблоки оказались зелеными, и тетка заявила, что их подсунули нарочно, пользуясь нашей занятостью.

Я оставила свадебное платье на попечение портнихи и спустилась в нижнюю горницу.

На столе лежали хозяйственные записи. Не мои обычные книги, которые я еще утром убрала в шкаф, а списки расходов на завтрашнее торжество. Савелий взял на себя большую часть приготовлений, но люди все равно приходили ко мне: кто-то не получил обещанных денег, кому-то требовалось разрешение открыть запасную кладовую.

Я не возражала. Дом принадлежал мне, и глупо было бы притворяться, будто я перестала понимать, где в нем что лежит, только потому, что завтра выходила замуж.

– Пять бочонков, – произнесла я, сверяясь со списком.

Приказчик Савелия, высокий мужчина с красными от холода ушами, смущенно переминался возле двери.

– Шесть, госпожа Берестова.

– В накладной пять.

– Шестой привезли отдельно.

– Куда поставили?

– К остальным, в задний сарай.

– Тогда отчего за него расписались раньше, чем привезли?

Приказчик облизнул губы.

– Я уточню.

– Уточните, пожалуйста. Не хватало еще завтра выяснять, чей это товар и кто за него должен платить.

Мужчина ушел с явным облегчением. Я сделала пометку на листе и потянулась за другим счетом.

– Варя, – раздалось за спиной, – ты обещала сегодня не заниматься бумагами.

Савелий стоял у входа, держа в руках свернутые перчатки.

– Обещала не заниматься делами Старого перевоза. А это наш свадебный ужин.

– Разница, конечно, существенная.

Он подошел к столу и взглянул на записи.

– Что случилось?

Я объяснила.

– Прикажу проверить, – сказал Савелий. – Тебе не нужно заниматься каждым бочонком. Для этого у меня есть люди.

– Они-то и принесли мне накладную.

– Потому что знают: ты все равно захочешь посмотреть.

Он говорил без упрека, даже ласково. И все-таки я закрыла книгу чуть поспешнее, чем собиралась.

– Хорошо. Забирай своих людей и бочонки. Мне действительно пора переодеваться.

– Наконец-то разумное решение.

Он сел напротив, задержавшись на минуту.

– Кстати, о перевозе. Завтра после церемонии хотелось бы познакомить тебя с Борисом Мелеховым. Он управляет несколькими речными складами. Человек толковый, может быть полезен нашему делу.

– Какому именно?

– Твоему перевозу и моим поставкам. Я давно думаю, что на следующий сезон можно расширить хранение грузов.

Я взглянула на него.

– Срок аренды у нас до весны.

– Я помню.

– И о продолжении мы собирались разговаривать после зимних счетов.

– Разумеется. Я ничего не предлагаю решать завтра, Варя. Просто познакомлю вас. Не все же тебе слушать тетушкины рассуждения о серебряных ложках.

Он подвинул ко мне небольшую коробочку. Внутри лежали засахаренные апельсиновые корки.

Я невольно рассмеялась.

– Ты нарочно меня подкупаешь?

– А это запрещено?

– Смотря в каком деле.

– В деле избавления невесты от скучных расходов – разрешено.

Он взял одну полоску, предложил мне другую. Я любила эти сладости еще с первого замужества. Егор покупал их редко, считая нелепым платить за корки почти столько же, сколько за хорошие орехи. Зато каждый раз, когда приносил, сам съедал половину, уверяя, что помогает мне не испортить зубы.

Воспоминание неожиданно согрело. Я съела сладость и закрыла последнюю книгу. Савелий не стал торопить меня с разговором об аренде. Обсудили завтрашних гостей, зимние поездки, его племянника, который собирался привезти невесте из соседнего города какую-то фарфоровую птицу.

Только когда он сообщил, что двое дальних родственников прибудут по реке, я вспомнила о лодочниках.

– Их не собираются высаживать у Старого перевоза?

– Думаю, да. Так ближе.

– Передай капитану, чтобы не совался в мелкий рукав. Там после осенней воды обнажились камни. Легкая лодка пройдет, а широкую посудину развернет боком.

Савелий нахмурился, вспоминая берег.

– Это возле нижней излучины?

– Нет, ниже грузовых ворот. Там протока делится на два рукава. Широкий идет вдоль высокого берега, мелкий огибает ольшаник. Потом они снова соединяются. Помнишь старую мельничную сваю?

– Помню.

– Вот за ней самое неприятное место. Егор однажды три часа вытаскивал оттуда нагруженный баркас. Потом неделю ругался на каждого, кто произносил слово «мельница».

Мы с Савелием улыбнулись.

– Завтра никто не будет ругаться, – заверил он. – Передам распоряжение.

– Лучше я сама напишу. У тебя столько дел, что забудешь.

– Не забуду, – сказал он, чуть крепче сжав мою руку. – Ты можешь хотя бы перед свадьбой позволить мне о чем-нибудь позаботиться?

Я хотела ответить, что позволяла уже восемь месяцев. Потом посмотрела на его усталое лицо и передумала.

Он действительно сделал очень многое. Не стоило превращать каждый пустяк в проверку того, насколько хорошо мужчина понимает мое хозяйство.

– Ладно, – сказала я. – Но если кто-нибудь сядет на мель, вытаскивать будешь сам.

– Договорились.

Он поцеловал мне пальцы и ушел к ожидавшим его людям. Я еще немного посидела за столом.

За окнами рано темнело. На стеклах проступила влага, в трубе гудел ветер. С заднего двора доносился стук ящиков и грубоватый смех грузчиков.

Как давно я не сидела спокойно, не думая о том, что еще предстоит проверить до ночи!

Завтра этот дом перестанет быть домом одной женщины. Я смогу возвращаться вечером и знать, что кто-то уже распорядился насчет дров, работников, починки забора. Смогу заболеть, не думая о том, кому передать ключи от кладовых. Встану пораньше не потому, что надо встретить возчиков, а потому, что мне захочется.

Конечно, я не собиралась превращаться в нарядную хозяйскую супругу, которая только выбирает скатерти. Савелий никогда от меня этого не требовал.

Просто рядом появится другой взрослый человек. Я закрыла ставню, задувшуюся от сквозняка, и направилась наверх.

Егор терпеть не мог позднюю осень. Говорил, что снег хотя бы честен: выпал и лежит, а осенняя грязь каждый день обещает подсохнуть, чтобы к вечеру снова залить сапоги.

Он умер в такую же пору, только на четыре года раньше.

Я вспомнила об этом, когда Ульяна внесла в спальню горячую воду и поставила возле кровати грелку, завернутую в полотенце.

– Савелий Фомич велел, – объяснила она. – Сказал, у вас ноги мерзнут.

– Спасибо.

Девушка задержалась у двери.

– Госпожа, а вы не боитесь?

Я подняла голову.

– Чего?

– Ну... Завтра ведь свадьба. Новый дом, новый муж. Все другое.

Она покраснела. Ульяне было девятнадцать. Для нее замужество еще казалось событием, после которого человек просыпается совершенно другим.

Я поставила чашку.

– Боюсь немного.

Девушка удивилась моей откровенности.

– Правда?

– Конечно. Только не Савелия. Перемен.

– А я бы, наверное, всю ночь не спала.

– Я тоже когда-то не спала перед свадьбой. И вообще, в первую брачную ночь Егор умудрился наступить на подол моего платья и оторвать почти всю отделку.

Ульяна захихикала.

– Серьезно?

– Совершенно. Утром мы оба ползали по полу и собирали жемчужинки. Половину так и не нашли.

Она уже открыла рот для следующего вопроса, но спохватилась.

– Простите, госпожа.

– За что?

– Я напомнила...

– Нет, Уля. Ты ничего дурного не сделала.

Егор был частью моей жизни. Большой, хорошей, временами трудной. Я не хотела, чтобы люди боялись произносить его имя из-за моей новой свадьбы.

Нельзя прожить восемь лет с человеком, любить его, хоронить, а потом сделать вид, будто всего этого не было.

Когда Ульяна вышла, я некоторое время сидела возле окна. Четыре года назад после похорон я думала, что никогда больше не выйду замуж. Не из особой верности покойному, а потому, что не могла представить рядом другого мужчину. Любая попытка казалась бы неловкой подменой.

Теперь я уже не сравнивала каждый жест Савелия с жестами Егора.

Они были разными людьми. Савелий внимательнее относился к удобствам, терпеливее слушал, меньше говорил о несбыточном. С ним можно было обсуждать денежные дела без опасения, что завтра он решит вложить последние свободные средства в покупку трех ненужных подвод.

Егор однажды именно так и поступил. Правда, через месяц сумел заработать на этих подводах вдвое больше, чем они стоили, и до самой смерти напоминал мне об этом при каждом удобном случае.

Я улыбнулась воспоминанию. На туалетном столике стояла маленькая деревянная шкатулка. В ней лежало обручальное кольцо Егора. Я сняла его год спустя после похорон, когда перестала замечать на пальце отсутствие привычной тяжести.

Завтра Савелий наденет мне другое. В этот вечер мне хотелось, чтобы Егор знал: я не осталась одна.

Я прикрыла шкатулку. На столе возле стены стоял большой футляр с серебряной накидкой. Тетка собственноручно распорядилась перенести подарок в мою спальню, опасаясь, что в гостевой комнате на него кто-нибудь опрокинет вино.

Я уже собиралась ложиться, но заметила, что крышка футляра неплотно закрыта.

Подошла, поправила ткань. Из узкой щели потянуло теплом. Я нахмурилась и открыла крышку шире.

Мех лежал на светлом полотне, аккуратно сложенный воротником внутрь. Сверху поблескивала серебряная застежка.

Я коснулась края. Теплый. Даже теплее, чем днем, когда вокруг топили печи и работали портнихи. Я подержала ладонь на ворсе, потом потрогала деревянную стенку футляра. Дерево было холодным.

Странная вещь. Может быть, тетка не ошиблась насчет особой выделки. Савелий столько рассказывал об удивительных свойствах северных мехов, что я просто привыкла слушать вполуха.

Хотя вряд ли обычная выделка могла сама по себе сохранять тепло.

Я опустила крышку и задула свечу.

Внизу еще долго слышались голоса. Потом закрыли входную дверь, кто-то прошел по лестнице и, судя по скрипу, поставил большой сундук прямо посреди коридора.

Я лежала с открытыми глазами, слушая, как ветер шевелит ветви старой яблони за окном.

Свадьба завтра. Надо бы спать. Я уже почти задремала, когда услышала удар.

Негромкий, короткий, будто во дворе соскочила с крюка цепь. Я открыла глаза.

Некоторое время было тихо. Потом за окном снова что-то стукнуло, на этот раз ближе к дровянику.

Я села. Ночные звуки в собственном доме я знала хорошо. На заднем дворе иногда заваливались пустые бочки, скрипела калитка, кошки устраивали драки под крышей. Но сейчас стук не походил ни на одно из этих привычных происшествий.

За ним последовали осторожные шаги. Я подошла к окну и отодвинула занавеску.

Двор был темен. Дровяник заслонял часть стены, возле конюшни слабо светился фонарь.

У ворот должен был дежурить один из сторожей Савелия. После приезда дорогих подарков жених настоял на дополнительной охране. Я не возражала: в доме действительно было слишком много чужих людей. Однако отсюда сторожа не было видно.

Возле дровяника что-то шевельнулось. Я отступила от окна. Можно было разбудить слуг, но в последнее время они и так едва держались на ногах. Если в сарай забрались за дровами или пьяный грузчик перепутал калитки, переполох получился бы изрядный.

Я накинула плотную шерстяную шаль, взяла лампу и вышла.

На лестнице было холодно. В нижней горнице догорали угли. Ульяна оставила на столе корзинку с недошитым бельем, а тетка забыла у печи свои шерстяные туфли.

Я остановилась возле хозяйственной двери. За ней опять послышался звук, теперь совсем близко.

Кто-то осторожно передвинул тяжелую доску. Взяв со стены железную кочергу, я отодвинула засов.

Холодный воздух ударил в лицо.

– Эй! – позвала я негромко. – Кто там?

Ответа не было. Я подняла лампу. Двор казался пустым, только в дровянике чернел узкий проход между сложенными поленьями.

– Если это ты, Мирон, – сказала я, вспомнив молодого возчика, который накануне уже успел напиться, – то утром можешь даже не просить расчета. Я сама тебя отыщу.

– Я не Мирон.

Голос прозвучал совсем рядом. Я резко обернулась. Мужчина стоял у боковой стены дровяника, куда не доставал свет фонаря.

Высокий, широкоплечий мужчина в темной дорожной одежде. Мокрые волосы убраны назад, через плечо перекинут плотный холщовый мешок.

Я подняла кочергу.

– Стойте на месте.

Он остановился. Лампа осветила его лицо. Лет сорока, подумала я, потом решила, что немного моложе. У него были темные брови, резко очерченный рот и заметная переносица, словно когда-то нос был сломан. Выражение лица не обещало ничего хорошего, но и пьяным или безумным незнакомец не выглядел.

– Вы хозяйка дома? – спросил он.

– Вам какое дело?

Он посмотрел на кочергу.

– Если собираетесь ударить, держите двумя руками. Так будет надежнее.

– Очень благодарна за совет. Теперь объясните, что вы делаете в моем дворе.

– Я пришел за вещью, которую вам сегодня подарили.

По спине пробежал холод. Я крепче сжала железо.

– Уходите.

– Сначала выслушайте.

– Я позову сторожей.

– Зовите. Но они прибегут не сразу.

Я шагнула к двери, однако мужчина не двинулся с места. Он заметил мой взгляд.

– Я не собираюсь вас хватать. Мне нужна серебряная накидка.

Сердце ударило сильнее. Значит, воры все-таки узнали о дорогом подарке.

В Реченске хватало людей, готовых пролезть в чужой дом ради одного серебряного блюда. О таком мехе наверняка судачили с самого утра. Но обычно воры не объявляли о своих намерениях хозяйке.

– Если вы думаете, что я пойду наверх и принесу ее первому встречному, – произнесла я, – то ошиблись домом.

Мужчина помолчал.

– Я знаю, что это выглядит как грабеж.

– Удивительно точное наблюдение.

– И понимаю, почему вы мне не доверяете. Но накидка принадлежит не вашему жениху.

– Тогда пусть настоящий владелец приходит со свидетелями и обращается в суд.

Он посмотрел в сторону темного двора.

– Настоящая владелица не может сюда прийти.

– Почему?

– Потому что ее держат взаперти.

Я перестала двигаться. В подобных историях обычно начинали с жалоб на несправедливого торговца или обманутого покупателя. Иногда приносили поддельные расписки. Но этот человек говорил о женщине, которую будто бы держали в плену.

– Кого? – спросила я.

– Мою сестру.

Я смотрела на него, пытаясь понять, какую новую уловку придумали городские воры.

– Ваша сестра продала мех Савелию Горину?

– Она не продавала его.

– Откуда вы знаете?

– Потому что это ее шкура.

Я невольно посмотрела на его лицо еще внимательнее. Он, кажется, ожидал такой реакции.

– Вы слышали о волчьем народе? – спросил он.

– В Реченске о нем рассказывают даже детям.

– И что рассказывают?

– Разное. Например, что волки умеют говорить человеческими голосами и уводят путников с дороги.

– Путников с дороги уводят и обыкновенные разбойники. Не всякому для этого нужна волчья шкура.

– А вы кто?

Мужчина медленно выдохнул.

– Меня зовут Радан. Я князь Елового Ключа.

Я ожидала чего угодно, только не этого. Незнакомец мог назвать себя лесным проводником, охотником, даже братом обиженной торговки. Но князь волчьего народа, пробравшийся ночью в мой дровяник, выглядел совсем уж неправдоподобно.

– Князья теперь ходят по чужим дворам вместо того, чтобы стучать в двери?

– Если бы я постучал и назвал свое имя, меня впустили бы?

Я вспомнила Савелиевых сторожей. Скорее всего, нет.

– Это еще не повод лазить через забор.

– Согласен.

Он произнес это так спокойно, что я на мгновение растерялась.

– Но другого времени у меня нет, – добавил он. – Завтра накидка окажется среди гостей, а потом ее могут увезти. Я ищу сестру третью неделю.

Он замолчал, словно хотел сказать что-то еще и передумал. Я услышала, как за стеной конюшни переступила лошадь.

– Вы действительно хотите, чтобы я поверила в вашу историю?

– Нет. Хочу показать, почему говорю правду.

Он снял с плеча холщовый мешок и поставил его на сухое место под навесом.

Я насторожилась.

– Что там?

– Моя шкура.

Мне захотелось отступить. Когда-то в детстве я видела у странствующего балаганщика волчью голову, которую он называл добычей знаменитого лесного охотника. Голова была огромной, с желтыми стеклянными глазами. Балаганщик уверял, что такой зверь способен разорвать человека пополам.

Отец тогда сказал, что это обычная волчья шкура, растянутая умелыми руками, и велел не верить балаганщикам.

Сейчас мне очень хотелось, чтобы отец оказался прав во всем, что рассказывал о волках.

Радан развязал мешок. Внутри лежал темный мех. Не серебряный, а густо-серый, почти черный на спине. Он взял шкуру двумя руками и развернул.

Я попятилась.

– Что вы собираетесь делать?

– Превратиться.

– Здесь?

– Дровяник пустой?

– Сейчас да.

– Тогда в нем.

Я посмотрела на дверь, затем на мужчину. Он терпеливо ждал.

– А если вы меня обманете?

– Тогда вам ничто не мешает сейчас же уйти и разбудить весь дом.

Это было не совсем правдой. Он стоял между мной и проходом, хотя и не перекрывал его намеренно.

Я показала кочергой на стену.

– Отойдите.

Радан сразу сделал несколько шагов в сторону. Я прошла к двери и остановилась под навесом. Отсюда можно было выбежать во двор.

– Показывайте.

Он взглянул на меня с каким-то новым выражением. Похоже, ожидал, что я закричу или убегу.

– Придется отвернуться.

– Зачем?

– Мне нужно снять одежду.

– Вот уж благодарю.

Я демонстративно повернулась лицом к стене, продолжая держать кочергу. За спиной зашуршала ткань. Сначала тяжелая верхняя одежда, потом что-то легкое. Застучали каблуки сапог.

– Только не вздумайте подходить ко мне сзади, – предупредила я.

– Не подойду.

Все стихло. Потом послышалось низкое, протяжное дыхание. Доски под ногами незнакомца скрипнули. Что-то мягко упало на землю.

Я обернулась раньше, чем успела подумать, стоит ли это делать. В дровянике стоял настоящий волк, крупный, темно-серый, с почти черной спиной. Он был значительно больше деревенских собак, но не напоминал чудовище из ярмарочных страшилок. В свете лампы виднелись сильные передние лапы, густой мех на шее и внимательные светло-карие глаза.

Волк смотрел прямо на меня. Я перестала дышать. Сначала захотелось закричать.

Потом я заметила на скамье сложенную одежду, сапоги и пустой холщовый мешок.

Волк не двигался. Он просто стоял посреди дровяника, позволив мне рассмотреть себя.

Кочерга стала неожиданно тяжелой.

– Радан? – выговорила я.

Волк слегка опустил голову. Я прижалась спиной к стене.

В Реченске можно было услышать много сказок. О лесных женщинах, которые расчесывают волосы на берегу болот, о волках с человеческими голосами, о торговцах, исчезавших на зимних дорогах.

Я всегда считала, что в каждой истории есть немного правды, но люди охотно добавляют к ней собственные страхи.

Теперь передо мной стоял зверь, который несколько мгновений назад был мужчиной.

Волк повернул голову к сложенной одежде, потом снова посмотрел на меня.

– Вы хотите обратно? – спросила я, чувствуя себя полной дурой.

Он шагнул к скамье.

– Подождите.

Я отвернулась. Снова услышала движение. Шорох меха по доскам, глубокий вдох, потом человеческое покашливание.

– Теперь можно.

Я посмотрела. Радан сидел на корточках возле скамьи, отвернувшись ко мне спиной. Рядом лежала темная волчья шкура, словно кто-то осторожно снял ее и сложил на пол.

Сам мужчина был совершенно голым. Я мгновенно уставилась на поленницу.

– Вы сказали, что теперь можно!

– Простите. Мне следовало сначала одеться.

В его голосе прозвучало что-то похожее на смущение. Я услышала, как он поднялся, натянул одежду, завязал пояс. Только после второго разрешения повернулась.

Радан уже складывал темный мех в мешок. Я опустила кочергу.

– Как это возможно?

– Для нас это обычная жизнь.

– Вы сначала были человеком. Потом волком. А теперь опять человеком. И шкура осталась отдельно?

– Да.

– Но когда вы были волком...

– Она была частью меня.

Я посмотрела на мешок.

– А чтобы снова стать волком, вам нужно ее надеть?

– Именно.

Я перевела взгляд на дверь. За пределами дровяника по-прежнему существовал мой двор, стояла конюшня, в доме спали родственники, а завтра должна была состояться свадьба.

Ничего вокруг не изменилось. И все же прежним этот мир уже не был.

– И ваша сестра... – начала я.

– Лишилась своей шкуры. Ее украли.

Он произнес это без нажима. Не пытался заставить меня содрогнуться от ужаса.

Возможно, поэтому я вдруг отчетливо представила женщину, у которой забрали то, без чего она не могла вернуться в свой привычный облик.

– Но ведь она остается человеком? – спросила я.

– Остается.

– Значит, может обратиться за помощью.

Радан посмотрел на меня.

– Если сможет добраться до тех, кто поможет.

В его ответе было столько усталости, что мне стало неловко за собственную поспешность.

– Вы не знаете, где ее держат?

– Пока нет.

– А мех нашли?

– Да. Сегодня его подарили вам.

Я взглянула на дом. Серебряная накидка лежала наверху, в футляре. Весь день мы восхищались тем, какая она мягкая, красивая, теплая. Тетка успела объявить ее главным украшением свадебного ужина. Савелий с удовольствием представлял, как гости будут рассматривать редкую северную работу. Я вспомнила собственную руку, гладившую серебристый ворс.

– Как вы можете знать, что это именно ее шкура? – спросила я.

Радан подошел ближе, но остановился, заметив, как я напряглась.

– На левом боку у Лады есть старый след от раны. Шерсть на этом месте растет немного поперек. Белесая полоса длиной с мой палец, посередине маленький изгиб. Скорняк рассказал, что при подгонке накидки спрятал этот край под подкладкой.

– Вы ее видели?

– Не в вашем доме. Я знаю этот след много лет.

– А откуда узнали, кому достался мех?

Он провел ладонью по мокрым волосам.

– Через скорняка, которому отдали работу. Потом через посредника. Последний назвал ваш дом и сегодняшний подарок.

– Вы могли ошибиться.

– Мог.

Я не ожидала такого ответа.

– Поэтому и хотел увидеть вещь, прежде чем забирать.

Некоторое время мы молчали. Лампа в моей руке начала коптить. Я опустила стеклянный колпак, поправила фитиль.

– Меня зовут Варвара Берестова, – сказала я наконец. – Думаю, вы это уже знаете.

– Знаю.

– А еще вы знаете, что завтра я выхожу замуж за человека, который подарил мне эту накидку.

– Да.

– Если я отдам ее вам, мне придется объяснять жениху, куда пропал подарок.

Радан сжал губы.

– Я понимаю.

– И все же просите.

Он посмотрел мне прямо в глаза.

– Она принадлежит моей сестре, Варвара. Я не могу оставить ее здесь.

Я почувствовала, что начинаю сердиться. Не столько на него, сколько на положение, в котором оказалась.

Мне хотелось вернуть все на прежнее место. Закрыть сарай, подняться наверх, лечь спать и завтра выйти замуж, не думая о волчьих шкурах и пленниках. Но я уже видела превращение.

И слышала, как мужчина произнес имя сестры.

– Подождите здесь, – сказала я. – Я принесу накидку. Если подкладка подтверждает ваши слова, заберете ее.

Радан не сразу ответил.

– Вы готовы это сделать?

– Я пока готова проверить. Не заставляйте меня передумать.

Он отошел от двери. Я вышла во двор. Только добравшись до порога дома, заметила, что пальцы на руке болят от кочерги. Железо я сжимала так сильно, что на ладони остались красные полосы.

В спальне все было точно так же, как час назад.

У кровати лежали туфли, приготовленные к утру. На стуле висела домашняя кофта. Пламя свечи отражалось в зеркале.

Я поставила лампу на стол и открыла футляр. Серебряный мех мягко заскользил по светлому полотну. Я долго смотрела на него, прежде чем решилась поднять.

Теперь его тепло казалось совсем другим. Не удобством, обещанным торговцем, а свидетельством того, что где-то живет человек, которому принадлежит эта вещь.

Я развернула накидку изнанкой вверх. Подкладка была пришита мелкими ровными стежками. Вдоль правого края шла узкая полоса кожи, к которой крепились серебряные петли. На

левом боку шелк слегка отставал от меха: вероятно, мастер еще во время работы подгонял складку.

Я взяла маленькие ножницы из швейного ящика и осторожно распустила несколько стежков.

Я отогнула подкладку и расправила спрятанный край. Серебристый ворс заиграл на свету; я повернула мех к свече.

Там действительно была светлая полоска. Неглубокий след на коже, заметный лишь под определенным углом. Шерсть вдоль него росла в сторону, а ближе к середине изгибалась.

След был длиной примерно с мужской палец. Я коснулась его и заметила, что пальцы дрожат.

Внизу хлопнула дверь. Я вздрогнула и едва не уронила ножницы.

По лестнице прошли тяжелые шаги, затем раздался голос тетки:

– Кто опять оставил свечу в коридоре?

Кто-то сонно ответил, что сейчас уберет. Я замерла, держа накидку перед собой.

Прасковья Матвеевна могла войти в любую минуту. Стоило ей увидеть распоротую подкладку, как начались бы расспросы, причитания и поиски виновных.

Я осторожно опустила мех на кровать и снова взялась за край.

Возле шва обнаружился небольшой кусочек серой ткани, пристроченный к кожаной полосе.

На нем черными чернилами стояла метка. Две наклонные черты, а под ними число двенадцать.

Мне показалось, что я уже видела подобное обозначение, но мысль сразу ускользнула.

В торговых делах хватало собственных меток. Каждый приказчик норовил придумать свой порядок: один отмечал партию кружком, другой ставил косые засечки, третий записывал буквы так небрежно, что сам потом не мог прочесть.

Я провела пальцем по серой ткани. Нет. Не сейчас. Сейчас важнее было другое.

Белая полоска в точности соответствовала словам Радана. Конечно, о рубце ему мог рассказать мастер, но от этого увиденное в дровянике не становилось менее невероятным.

Но я собственными глазами наблюдала его превращение, а мех по-прежнему был теплым, хотя пролежал в холодной кладовой и запертом футляре.

Я больше не могла оправдать свое бездействие. Свернула накидку, не пытаясь восстановить распущенные стежки, и положила в простой холщовый мешок из-под зимнего белья. Застежка с тяжелым бантом осталась на месте. Потом накинула шаль и вышла.

На лестнице стояла тетка. Я чуть не столкнулась с ней.

– Варя? Ты почему не спишь?

– Услышала шум во дворе.

– Опять? И без того весь день грохочут. Завтра непременно скажу Савелию, чтобы он своих людей научил вести себя прилично.

Она заметила мешок.

– А это что?

Я не любила обманывать Прасковью Матвеевну. Слишком хорошо она знала меня с детства и слишком редко прощала ложь, если обнаруживала ее позже. Но сейчас объяснить все было невозможно.

– Кое-что нужно убрать с глаз долой, – ответила я.

Тетка понимающе кивнула.

– А, свадебные подарки. Правильно. Ульяна днем чуть не разбила вазу из синего стекла. Вот я ей сказала...

Она принялась рассказывать, как опасно доверять дорогие вещи молодым служанкам. Я слушала, стараясь не смотреть на дверь.

Наконец тетка закончила.

– Иди спать, Варенька. Завтра у тебя такой день.

– Сейчас пойду.

Она обняла меня, поцеловала в щеку и ушла наверх. Я подождала, пока скрипнут ступени, потом осторожно вышла во двор.

Радан стоял там же. Он не пытался обыскать сарай или приблизиться к дому. На нем снова был темный дорожный плащ, волосы почти высохли. При моем появлении он поднял голову.

Я остановилась под навесом.

– Нашла, – сказала я.

Он посмотрел на мешок.

– След?

– На левом боку. Именно такой, как вы описали.

Радан медленно выдохнул. Должно быть, все это время он не был окончательно уверен.

Я протянула ему мешок. Он взял его обеими руками. В ту секунду я вдруг почувствовала странную неловкость, будто возвращала человеку вещь слишком личную, чтобы касаться ее без разрешения.

Радан осторожно открыл мешок. Серебряный мех блеснул в свете лампы. Он опустился на колено прямо на деревянный настил, развернул край накидки и провел пальцами по шерсти.

Движение было коротким, почти незаметным. Он не прижимал мех к лицу, не произносил никаких заклинаний. Просто долго смотрел на знакомую полоску.

Я оставила ему время. Потом он поднял голову.

– Спасибо.

Я села на край перевернутого ящика. Ноги неожиданно ослабели.

– Вы уверены, что она жива?

– Да.

– Только потому, что мех теплый?

Он кивнул.

– Пока мы живы, шкуры сохраняют тепло. Если владелец умирает, они становятся обычным мехом.

Я посмотрела на серебряную накидку. Весь день она казалась мне прекрасной.

Теперь стало трудно видеть в ней украшение.

– А если шкуру украли, человек никогда больше не сможет стать волком?

– Пока ее не вернут.

– Он может умереть без нее?

– Не от самой потери. От голода, холода, болезни, чужого ножа. Как любой человек.

Радан аккуратно свернул мех.

– Поэтому мне нужно найти Ладу.

– Как давно она пропала?

– Три недели назад. Возвращалась с переговоров на границе. Вместе с двумя спутниками остановилась на постоялом дворе. На следующий день их никто не видел.

– Возможно, ее увезли далеко.

– Возможно.

– И вы все это время искали?

– Да.

Он сказал это так, будто речь шла о самой обыкновенной работе.

Я невольно представила три недели дорог, чужих постоялых дворов, расспросов и надежды, которая каждый день могла оказаться напрасной.

– Почему вы пришли один?

– У моих людей свои задачи. А в городе слишком много тех, кто готов закричать о нападении волков при виде одного незнакомого человека.

– И все-таки вы проникли в мой двор.

Он посмотрел на меня почти виновато.

– Плохое начало знакомства.

Я неожиданно улыбнулась.

– Весьма.

– Я пытался придумать другое. Но у ворот стояли люди вашего жениха.

– Они бы вам не открыли.

– Вот и я так решил.

Он наконец завязал мешок. Я помолчала.

– Скажите, а Савелий мог не знать, откуда эта вещь?

Радан посмотрел на меня внимательнее.

– Мог.

Ответ прозвучал без охоты, но честно.

– Тогда почему вы сразу пришли сюда, а не к нему?

– Мех подарили вам. Я не знал, что именно сказал вам торговец и знаете ли вы его происхождение.

– То есть думали, что я могу быть сообщницей?

– Я не знал, кем вы окажетесь.

Я отвела взгляд. Это было неприятно слышать. Но после всего случившегося трудно было требовать от него доверчивости.

– Я не знала, – сказала я. – Савелий говорил, что мех из северных земель. И что его особым образом выделали.

Радан стиснул челюсти.

– Такая сказка удобна для продажи.

Я посмотрела на него.

– Он не торгует людьми, если вы на это намекаете.

Слова вырвались слишком быстро. Радан промолчал.

– У Савелия большой торговый дом, – продолжила я. – Он покупает лес, соль, сукно. Держит склады, подводы, суда. У него сотни работников. Он не проверяет каждый груз собственноручно.

– Я и не утверждал, что проверяет.

– Тогда не следует делать выводы раньше времени.

Он некоторое время смотрел на меня, потом кивнул.

– Вы правы. Я знаю только, что шкура моей сестры оказалась в его руках.

Я с облегчением услышала, что он не спешит обвинять Савелия. Хотелось верить, что жених ничего не знал.

– Завтра я спрошу жениха, – сказала я.

– Будьте осторожны.

– Это мой будущий муж, Радан. Мне не нужно бояться простого вопроса.

Он не возразил. Но что-то в его взгляде мне не понравилось.

– Вы не знаете Савелия, – добавила я.

– Нет.

– Тогда не смотрите так, словно уже вынесли ему приговор.

Радан опустил глаза на мешок.

– Три недели назад я тоже думал, что знаю всех, с кем моя сестра имела дело.

Я не нашлась с ответом. За конюшней громко фыркнула лошадь. Радан сразу повернул голову, прислушиваясь. Я заметила, как быстро он насторожился.

– Вам пора, – сказала я. – Скоро сменится сторож. Нельзя, чтобы вас здесь увидели.

– Я уйду.

Он поднял мешок, но задержался.

– Варвара, вы не обязаны помогать мне дальше. Вы уже вернули то, что принадлежит Ладе.

Он оставлял мне право не вмешиваться. Я ждала просьбы, которой могла бы подчиниться или отказать, а теперь должна была решать сама.

– Если окажется, что Савелий купил краденую вещь, я хочу знать об этом, – сказала я. – Мне придется жить с человеком, который ее подарил.

Радан кивнул.

– Тогда завтра утром я буду у старой весовой за торговым рынком. После первого звона. Если узнаете что-нибудь и решите рассказать, приходите.

– А если не приду?

– Значит, не придете.

– И вы не станете искать меня снова?

– Нет. Если только не узнаю, что вам угрожает опасность из-за сегодняшней встречи.

Я всмотрелась в его лицо, пытаясь понять, нет ли в этих словах скрытого требования.

Не было.

– Вы всегда так спокойно говорите о неприятных вещах?

Радан чуть приподнял бровь.

– Не всегда.

– А когда не спокойно?

Он на мгновение посмотрел на серебряный мешок.

– Сегодня я очень старался.

Я опустила глаза. Мне вдруг стало стыдно за то, что весь разговор я думала главным образом о собственной свадьбе.

Где-то находилась его сестра. Живая, если он не ошибался, лишенная возможности вернуться домой в привычном облике.

А я тревожилась о том, как объясню пропажу дорогого подарка. Хотя объяснить ее действительно придется.

– Я попробую узнать, откуда Савелий получил мех, – сказала я. – Больше ничего обещать не могу.

– И этого достаточно.

Он отступил к темной стене. Я подхватила лампу.

– Подождите. Еще один вопрос.

Радан остановился.

– Ваша сестра знает, что вы ее ищете?

Он посмотрел на меня, и на мгновение лицо его изменилось.

– Не знаю.

Только теперь я услышала за сдержанностью его голоса то, что он пытался не показывать.

Страх. Не волчий, не княжеский. Обыкновенный человеческий страх за близкого человека.

– Надеюсь, узнает, – сказала я.

Он тихо поблагодарил меня и ушел. Я не стала смотреть, каким путем он покинет двор. Оставила дверь дровяника приоткрытой, поднялась к дому и только тогда заметила, что так и не спросила, как следует обращаться к волчьему князю.

Впрочем, вряд ли это было самое важное из забытых мной вопросов.

В спальне стоял холод. Я закрыла окно, которое сама оставила приоткрытым, и поставила лампу возле зеркала.

Свадебное платье висело на двери шкафа. Кружево на рукавах аккуратно прикололи булавками. На подоконнике лежали гребни для волос, маленькая коробочка с серьгами и чистые носовые платки.

Завтра Ульяна принесет мне горячую воду. Тетка начнет ругаться на портниху, которая обязательно опоздает. Приедут гости. Савелий будет ждать меня в праздничной одежде.

Я попыталась представить, что скажу ему утром.

«Савелий, твой подарок оказался волчьей шкурой, которую украли у живой женщины. Ночью ко мне приходил ее брат. Я отдала мех ему».

Наверняка жених решит, что я сошла с ума. И у него будут для этого основания.

Я могла бы рассказать о превращении, но как доказать его? Привести Радана? Попросить его раздеться перед Савелием и надеть свою волчью шкуру?

От этой картины мне стало не до смеха. Я села к столу и налила себе воды.

Возможно, Савелий действительно не знал, что покупал. Я вспомнила, как он радовался сегодня, увидев меня в серебряной накидке. Как поправил застежку. Как попросил надеть мех на праздничный ужин.

Он выглядел человеком, довольным дорогим и удачным подарком. Может быть, его обманули.

В торговом деле подобное случалось. Чужая партия проходила через десяток рук, прежде чем попадала к покупателю. Документы составляли приказчики, посредники ставили свои знаки, хозяин узнавал подробности тогда, когда возникала неприятность.

Я слишком хорошо знала этот порядок. Восемь лет мы с Егором содержали Старый перевоз. Через наш двор проходили сотни грузов. Я различала печати, знала складские обозначения, помнила старых перевозчиков и даже сейчас могла по некоторым пометкам определить, какой возчик принимал товар.

После смерти Егора мне пришлось заниматься этим одной. Потом появился Савелий и предложил арендовать пристань на хозяйственный сезон. Сумма была хорошей. Он обещал сохранить работников, привести склады в порядок и не задерживать расчеты.

Я согласилась. В последние месяцы даже перестала проверять каждую расходную запись, хотя копии приемных книг и счета по договору продолжали приносить мне домой.

Отдых оказался приятным делом. Я выпила воду. На столе осталась маленькая серая нитка.

Она прилипла к моему рукаву, когда я распускала подкладку серебряного меха.

Я сняла ее с ткани. И вдруг вспомнила метку. Две наклонные черты, под ними число двенадцать. Я отчетливо увидела маленький лоскут серого полотна, пристроченный к кожаному краю накидки.

Такие лоскуты использовали на Старом перевозе. Несколько лет назад я сама предложила нашивать их на отдельные грузовые места, когда из-за сырости начали расплываться чернильные отметки на деревянных ящиках. Две косые черты ставили на товар, поступивший через лесную дорогу, а число обозначало партию в приемной книге.

Позже Савелиевы люди сохранили этот порядок. Я видела его в копиях ведомостей.

Не на всех товарах, конечно. Только на тех, которые требовалось учитывать отдельно.

Я медленно положила нитку на стол. Можно было успокоить себя тем, что мех случайно попал в одну из партий Савелия. Пристань обслуживала множество торговцев, и наличие метки еще ничего не доказывало.

Но если накидку провели через Старый перевоз, в моих книгах должна была остаться запись.

Я поднялась, подошла к шкафу и достала связку ключей. В нижнем ящике хранились договор аренды, последние расчетные листы и копии приемных книг за осень. Я не собиралась заниматься ими накануне свадьбы.

Однако теперь вспомнилась одна подробность: двенадцатая партия с лесной дороги поступила совсем недавно. Я видела ее в ведомости, которую приказчик принес вместе с очередным арендным расчетом.

В тот день мне показалось странным, что товар записали одной строкой, без привычного перечисления мест.

Я не стала расспрашивать. Решила, что речь идет о мелком сборном грузе, и отложила книгу до окончания свадебных хлопот.

Сейчас эта запись вдруг приобрела значение. Я зажгла вторую свечу и поставила рядом с первой.

На лестнице часы пробили два.

Через несколько часов я должна была стать женой Савелия Горина.

А в одной из книг моей пристани находилась запись о серебряной шкуре пропавшей женщины.

Глава 2. Кольцо на столе

К четырем утра я нашла в приемной книге двенадцатую партию. После этого еще полчаса сидела над одной строкой, пытаясь убедить себя, что ничего страшного в ней нет.

«Лесная дорога. Смоляной двор. Партия двенадцать. Три места холста, два бочонка смолы, один тюк меховой выделки».

Последние слова были написаны чужим почерком. Я знала руку Андрея Петровича, нашего старого учетчика, и помнила, как он сердился, когда новый приказчик Савелия заставил его переписывать накладные. Андрей Петрович ставил цифры прямо, будто гвозди забивал; здесь восьмерки лежали на боку, а буквы теснились так, словно писавший торопился закончить работу до прихода хозяина.

Под строкой стояла обычная отметка приемки. Две косые черты и число двенадцать. Именно такую я видела на сером лоскуте под подкладкой накидки.

Я перевернула страницу к свету. Товар поступил пять дней назад, вечером, когда над рекой стоял густой туман. Утром следующего дня его уже отправили со склада. Получателем значился торговый дом Горина, и это само по себе было понятно: Савелий арендовал пристань именно для своих перевозок.

Непонятным оставалось другое. В графе веса возле мехового тюка стоял прочерк. За хранение с него взяли плату как за драгоценный груз, а за простой на дворе не начислили ни гроша. Обычно так не делали. Даже если вещь принадлежала самому Савелию, работники записывали вес хотя бы затем, чтобы потом не отвечать за исчезнувшее имущество.

Мне хотелось разбудить Андрея Петровича и спросить, кто принимал этот тюк. Но он жил у дочери на другом конце Реченска и к шести приходил в контору Старого перевоза. Будить его среди ночи из-за одного подозрительного счета я не решилась.

Я подняла следующую ведомость. В ней нашлась плата за сухое белье, топливо и крупу, отправленные на Смоляной двор трижды за последние две недели. Суммы казались слишком большими для сторожей и нескольких смолокуров. Впрочем, я не знала, сколько там сейчас людей. С приходом холодов работникам могли выделить дополнительные припасы.

Егор, будь он жив, сказал бы, что я хватаюсь за первую же странность, вместо того чтобы сперва собрать все записи. И предложил бы чаю.

Чаю я заварила себе сама.

В доме давно стихли звуки. Даже тетушкины туфли у печи стояли на месте, хотя обычно Прасковья Матвеевна просыпалась от малейшего шума. Я сидела за столом в ночной рубашке, завернувшись в старую шаль, и разглядывала собственные книги. Завтра, вернее, уже сегодня, меня ждали гости, церковная служба и свадебный ужин. А я спорила про себя с покойным мужем из-за веса тюка.

От этой мысли стало немного легче. Я достала чистый лист и выписала три вопроса: кто принял меховую партию, откуда ее привезли на самом деле и почему за нее не указали вес. Рядом добавила четвертый, самый неприятный: знал ли Савелий, что именно покупает?

Написанное выглядело серьезнее, чем все мои ночные догадки. Я сложила лист, вложила в книгу и закрыла шкаф. Договор аренды и две копии ведомостей оставила отдельно. Если разговор окажется простым недоразумением, я сама посмеюсь над своей тревогой. Если нет, мне понадобятся собственные записи, не те, которые Савелий попросит принести из конторы.

Только устроившись в постели, я заметила, что пустой футляр из-под серебряной накидки стоит открытым. Его светлая подкладка лежала ровно, на крышке поблескивали медные гвоздики. Всего несколько часов назад я радовалась дорогому подарку. Теперь смотрела на пустоту и представляла женщину, которую искал незнакомый князь.

Я не знала Ладу. Не знала, где она находится, виновен ли Савелий и существует ли вообще надежный способ отделить правду от чужих страхов. Но одно я могла выяснить сама.

Утром мне предстояло поговорить с женихом.

Проснулась я от запаха горячего теста и тетушкиного голоса.

– Ульяна, когда я говорю «высушить», это означает не развесить все полотенца на одной веревке. У нас сегодня люди приедут, не перед ними же тебе белье снимать!

За дверью кто-то торопливо извинился. Доски скрипнули, потом раздался стук каблуков.

Я села на кровати и долго смотрела на окно, пытаясь вспомнить, где нахожусь. Солнечный свет лежал на полу узкой полосой. Значит, дождя пока не было. Хорошо для гостей. Плохо для моей надежды, что свадьбу придется отложить из-за непогоды.

Меня поразила эта мысль. Еще вчера я хотела, чтобы день наступил поскорее.

Постучала Ульяна, внесла таз и полотенца. Увидев меня, остановилась.

– Госпожа, вы заболели?

– Почему ты решила?

– Вы совсем бледная. И свечи сгорели почти до конца. Неужели не спали?

– Плохо спалось. Принеси, пожалуйста, мое серое платье.

Девушка замерла у шкафа.

– Не зеленое? Его вчера отпарили.

– Зеленое понадобится позже.

Она достала простое шерстяное платье, которое я обычно надевала в контору, и повесила рядом с умывальником. Ее взгляд скользнул к пустому футляру.

– А мех где?

Я намочила полотенце.

– Я его отдала.

– Кому?

– Тому, кому он принадлежит.

Ульяна открыла рот, но увидела мое лицо и промолчала. Вместо этого подала сухое полотенце и, когда я вытерла руки, тихо спросила:

– Госпоже Прасковье говорить?

– Пока не нужно. И никому другому.

Она кивнула. Доверие Ульяны было приятным, но одновременно обременительным. Девушка служила у меня третий год и ни разу не давала повода жаловаться на нее. Я не хотела, чтобы из-за моих дел ей пришлось объясняться с Савелием.

– Если кто-нибудь спросит, скажешь правду: накидки ты сегодня не видела.

– А дальше?

– Дальше разберусь я.

Ульяна поправила складку на платье и принялась заплетать мне волосы. По тому, как крепко она стягивала прядь, я поняла: вопросов у нее осталось немало.

Внизу тетка уже распоряжалась завтраком. Перед приездом Савелия она непременно хотела накормить меня овсяной кашей, хотя прекрасно знала, что по утрам я ем хлеб с маслом. Считалось, что невесте следует беречь желудок, иначе потом весь день будет дурно.

Я спустилась с папкой под мышкой. Прасковья Матвеевна оторвалась от чайника и посмотрела на меня с явным неодобрением.

– В рабочем платье? Варя, только не говори, что решила ехать на перевоз.

– Не решила. Мне надо спросить Савелия об одном грузе.

– Сегодня?

– Сегодня.

Тетка вздохнула так, будто я собралась собственноручно перетаскивать бочки с пристани.

– Покойный Егор хоть перед венчанием дел оставил. Помню, сидел возле окна, как ученик перед экзаменом, и все спрашивал, не передумаешь ли ты.

– Это потому, что он накануне проиграл сапоги в карты и пришел в старых.

– Варвара!

– Что? Он мне потом сам признался.

Тетка не удержалась от улыбки, но тут же снова стала строгой.

– Савелий человек основательный. Он не станет радоваться твоим бумагам в свадебное утро.

– Отчего же? Возможно, как раз обрадуется, если дело простое.

– А если не простое?

Я положила папку рядом с тарелкой.

– Тогда тем более лучше выяснить сегодня.

Она внимательно посмотрела на меня. Я слишком хорошо знала этот взгляд: так тетка разглядывала треснувшую чашку, пытаясь определить, не разобьется ли она прямо сейчас.

– Вы поссорились?

– Нет. Мы еще не разговаривали.

– Варя...

Я накрыла ее руку своей.

– Прошу тебя, пока ничего не спрашивай. Я не собираюсь устраивать скандал. Мне действительно нужен один ответ.

Тетка помолчала и неожиданно сказала:

– Только не позволяй никому делать из тебя дурочку. Ни сегодня, ни после свадьбы.

Я взглянула на нее с удивлением.

– Ты же только что велела оставить дела мужчинам.

– Я велела тебе позавтракать. Это совсем другое.

Сказав это, она придвинула ко мне хлеб и отправилась выговаривать кухарке за подгоревшие края пирога.

Я съела половину ломтя, запила чаем и больше не смогла. В коридоре хлопнула входная дверь. Раздались мужские голоса, шаги, короткий смех. Савелий приехал раньше назначенного часа.

Он вошел в горницу с букетом темно-красных роз и маленькой корзинкой поздних груш. Увидев меня, улыбнулся широко и, на мой взгляд, совершенно искренне.

– Моя невеста уже за делом?

– Доброе утро, Савелий.

Он поцеловал тетушке руку, мне щеку и поставил розы в кувшин с водой, не дожидаясь служанки.

– Я надеялся застать тебя за последней примеркой. Не каждый день жениху выпадает возможность увидеть, как его будущая жена спорит с тремя портнихами сразу.

– Портниха одна. С тремя я не справилась бы.

– Я бы не поручился.

Тетка рассмеялась и вышла на кухню проверить горячее. Савелий сел рядом со мной, посмотрел на папку и легко постучал пальцем по кожаному краю.

– Это что-то срочное?

– Да. Мне нужно узнать, кто привез серебряную накидку.

Он не сразу ответил. Взял грушу, повертел ее за черенок, поставил обратно.

– Ты спрашивала вчера. Северный мех, редкая выделка. Почему он тебя вдруг так заинтересовал?

– Я нашла на подкладке метку Старого перевоза.

Он поднял брови.

– Какая метка?

Я раскрыла ведомость на нужной странице и придвинула к нему.

– Вот такая. Две черты и двенадцать. Запись о меховом тюке, который поступил со Смоляного двора пять дней назад.

Савелий прочел строку. Потом перевернул страницу, хотя следующая его не касалась.

– Ты ночью перебирала счета?

– Мне не спалось.

– Варя, сегодня у тебя свадьба. А ты занимаешься чужой разгрузкой.

– Пристань моя. Книга тоже. Откуда пришел мех?

Он вздохнул и отложил ведомость.

– Из северных торгов. Я не сказал, что его привезли прямиком оттуда к твоему порогу. Товары ходят через склады, через посредников. Ты сама это знаешь.

– Знаю. Поэтому спрашиваю, от какого именно поставщика.

– Не припомню по памяти. Прикажу найти бумаги.

– Спросим приказчика сейчас. Кто подписал приемку?

– Ты намерена устроить разбирательство перед гостями из-за подарка?

Он не повысил голоса. Просто положил ладонь на папку, как бы заканчивая разговор.

Я вспомнила, как несколько часов назад он помогал мне поправить слишком тугую застежку. Тогда тот же спокойный жест казался заботой.

– Не из-за цены подарка, – сказала я. – Из-за его происхождения.

– Объясни наконец, что тебя встревожило.

Я закрыла книгу. Решила не рассказывать всего сразу. Хотела увидеть, как он ответит на простой вопрос, не зная, какие сведения у меня есть.

– Тебе известно, что этот мех принадлежал другому человеку?

Савелий посмотрел на меня без улыбки.

– Вещи нередко меняют владельцев.

– Я спрашиваю не о покупке. У прежнего владельца ее забрали против воли.

Он нахмурился.

– Кто тебе это сказал?

– Человек, который вчера ночью пришел ко мне за накидкой.

Тишина, возникшая после этих слов, была такой резкой, что я услышала с кухни звон ложки о край котла.

Савелий медленно откинулся на спинку стула.

– Ночью? Сюда приходил посторонний мужчина?

– Приходил.

– И ты его впустила?

– Он оказался во дворе. Я с ним разговаривала.

– Ты понимаешь, что могла погибнуть? В городе пропадают вещи, по дорогам шляются лесные бродяги, а ты посреди ночи выходишь к чужаку одна!

Пока еще я принимала его раздражение за испуг.

– Он не тронул меня. И сумел доказать, что имеет право забрать вещь.

– Что именно?

– Сначала ответь, кому ты заплатил за мех.

Савелий поднялся. Прошел к окну, потом вернулся. Я знала его привычку ходить, когда он обдумывал трудный договор, но раньше меня в этой привычке успокаивало. Сейчас каждый шаг почему-то заставлял следить за дверью.

– Варя, – произнес он мягче, – тебя обманули. Неизвестный человек наплел сказок, чтобы выманить дорогую вещь. А ты, утомленная приготовлениями, поверила. Скажи, накидка по-прежнему в доме?

– Нет.

Он остановился.

– Где она?

– Я отдала ее.

– Кому?

– Тому, кто доказал, что она чужая.

Савелий несколько мгновений смотрел на меня. Затем сел очень осторожно, словно стул мог подломиться.

– Ты хоть понимаешь, что наделала?

– Надеюсь, понимаю. Вернула украденную вещь.

– Ты вернула товар, за который уплачены большие деньги. На каких основаниях? Потому что какой-то лесной оборванец показал тебе старый шрам?

Я резко подняла голову. О шраме я не упоминала, подкладку накидки распускала в одиночестве.

– Откуда тебе известно о шраме?

Савелий чуть помедлил.

– У шкур бывают отметины. Я говорю к примеру.

– Тогда ответь, почему продавец не записал вес тюка. И кто распорядился держать его отдельно от прочих грузов?

Он отбросил осторожность.

– Это вопросы к приказчику, а не ко мне. Я не считаю каждый тюк. И не обязан отвечать перед тобой за всякую бирку на товаре.

– Не обязан, – согласилась я. – Но я твоя невеста. Разве тебе самому не важно узнать, что мне подарили?

Он провел рукой по лицу, будто пытаясь стереть усталость.

– Послушай. Допустим, поставщик поступил нечестно. Такое случается. Я разыщу его, заставлю возместить убытки, при необходимости передам дело в суд. Ты хочешь справедливости? Она будет. Но делать это сегодня, при всех гостях, по первому слову чужого мужчины нельзя.

Я ждала именно такого предложения с того часа, как увидела запись в книге. Еще вчера я обрадовалась бы ему. Теперь мне оставалось решить, верю ли я.

– Ты знаешь, почему прежний владелец не мог сам прийти за своей вещью?

– Не знаю и знать не желаю. Я купил мех за настоящие деньги.

– Если его украли, цена ничего не меняет.

Савелий сжал пальцами спинку стула.

– Ты думаешь, стоит вернуть шкуру, и девчонку сейчас же выпустят? У людей, которые держат таких, свои расчеты. Им нет дела до твоего благородства.

Я смотрела на его руку. Костяшки побелели.

– Какую девчонку?

Он поднял глаза.

– Что?

– Я не говорила, что шкура принадлежит женщине. И не говорила, что ее где-то держат. Откуда ты это знаешь?

Савелий на мгновение отвернулся к окну.

– Ты сама сказала, что вещь украдена. Я предположил худшее.

– Предположил, что украли именно у женщины, которой не позволяют выйти на свободу?

– Ты играешь словами, Варя.

– А ты знаешь о пленнице. Я услышала тебя.

Он отошел от стула, взял грушу из корзинки и поставил обратно, не заметив, что помял кожицу.

– Допустим, в этой истории есть несчастная женщина. Допустим, ее заставляют работать. Ты считаешь, оттого, что отдала шкуру первому встречному, ее сейчас же отпустят? Ты даже не знаешь, с какими людьми связалась.

В животе неприятно свело. Еще минуту назад я могла поверить в нечестность приказчика или ошибку в приемных книгах. Но Савелий знал о пленной женщине, и теперь мне хотелось услышать, откуда.

– Где она? – спросила я.

– Не знаю.

– Тогда откуда знаешь, для чего ее держат?

– Я объясняю тебе, как устроены подобные дела.

– Какие подобные дела?

Он выпрямился. Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

– Ты слишком многого не понимаешь в торговле, – сказал Савелий наконец.

Он сказал это мне, восемь лет принимавшей грузы, выплачивавшей жалованье и отвечавшей за убытки. В первый раз ему понадобилось выставить меня неразумной, чтобы самому избежать ответа.

Я закрыла ведомость.

– Когда мы сможем поговорить с поставщиком?

– После свадьбы.

– Сегодня утром?

– После свадьбы, Варя. У нас впереди целая жизнь. Неужели ты не можешь подождать один день?

Я посмотрела на розы. Красные головки были еще туго закрыты; у одной на лепестке темнело мокрое пятно. Их принесли для моей радости. Я не сомневалась, что Савелий выбирал цветы сам.

Еще вчера он прислал грелку к моей постели, принес любимые сладости, спокойно выслушал рассказ о Егоре. Мне хотелось верить, что я не ошиблась в нем. Оттого следующие слова и давались с таким трудом.

– Я не выйду за тебя замуж сегодня.

Савелий не сразу изменился в лице.

– Конечно, выйдешь. Ты просто не спала всю ночь. Сейчас я попрошу тетушку приготовить тебе настой, и мы спокойно...

– Не выйду. Я должна сначала узнать, что произошло с этой женщиной и каким образом ее шкура оказалась у тебя.

– Варя, посмотри на меня.

Я смотрела. Он протянул руку через стол.

– Мы знакомы почти год. Я никогда тебя не обижал. Ты доверяла мне и собиралась стать моей женой. Не позволяй первому встречному разрушить все это за час.

Мне хотелось верить ему. В этом и заключалась моя беда.

– Если ты не виноват, – сказала я, – мы можем разобраться. Но свадьбы сегодня не будет.

Савелий медленно убрал руку.

– Ты представляешь, что скажут люди?

– Представляю.

– Мои гости уже в городе. Твои родственники приехали. Ты собираешься унизить меня перед всеми из-за какого-то дикаря?

– Я не собираюсь тебя унижать. Я просто не стану давать брачную клятву, пока ты отказываешься отвечать на вопрос.

Он отошел к двери и некоторое время стоял ко мне спиной.

– Ладно, – произнес наконец. – Считай, что мы отложили церемонию. Я поговорю с нужными людьми. Ты успокоишься. Через несколько дней вернемся к этому разговору.

– Нет, Савелий. Мы не договорились отложить церемонию. Я отказываюсь от помолвки.

Он повернулся. За восемь месяцев ухаживания я ни разу не видела у него такого лица. Меня поразила даже не ярость, а досада, с которой он смотрел на лежавшие передо мной бумаги.

– Ты пожалеешь о сказанном, – ответил он тихо.

Я поднялась со стула.

– Возможно. Но лучше жалеть о том, что не вышла замуж, чем о клятве, данной вопреки собственной воле.

В дверях появилась Прасковья Матвеевна. Должно быть, до нее донеслись наши последние слова.

– Что здесь происходит?

Савелий сразу повернулся к ней.

– У Варвары тяжелая ночь. Она взволнована и говорит вещи, о которых потом пожалеет. Я хотел бы, чтобы она немного отдохнула, но не могу ее убедить.

Тетка посмотрела сперва на меня, потом на него.

– Какие вещи?

Я сняла с пальца помолвочное кольцо. Оно сидело плотно, пришлось повернуть его раз, другой. На коже осталась бледная полоска.

Положила кольцо на стол между ведомостями и вазой с розами. Звук получился совсем тихим, но услышали его все.

– Свадьбы не будет, – сказала я.

Тетка схватилась за спинку стула.

– Господи помилуй. Варенька, что ты такое говоришь?

– Мне жаль, что вам придется объясняться с гостями. Я сама это сделаю, когда будет возможно. Но выходить замуж за Савелия не стану.

В коридоре замерла Ульяна с подносом. За ее спиной появился дворовый управитель, принесший какую-то записку. Оба слышали меня. Я была этому рада: позже никто не сможет сказать, будто я тайком сбежала, ничего не объяснив.

Савелий взял кольцо и покатал между пальцами.

– Ты сообщаешь такое при слугах?

– Я сообщаю это в собственном доме.

– Ты совершенно не соображаешь, что делаешь.

– Возможно, ты прав. Но решение принято.

Прасковья Матвеевна бросилась ко мне.

– Да что он сделал? Ударил? Оскорбил? Скажи мне!

– Нет. Я нашла в его подарке чужую вещь, которую отняли у живого человека. Я вернула ее. И Савелий знает об этом больше, чем говорит.

– Варя, – почти ласково перебил он, – не позорь себя этими сказками. Кто поверит, будто женщина, готовившаяся к свадьбе, всю ночь беседовала с волком?

Ульяна вздрогнула. Тетка медленно повернулась к нему.

– С волком?

Я еще не рассказывала им о превращении.

– Нет смысла сейчас обсуждать все подробности, – сказала я. – Я сама видела то, о чем говорю.

Савелий положил кольцо возле моего локтя.

– Прасковья Матвеевна, прошу вас как старшего человека в доме. Уведите племянницу наверх. Пусть отдохнет. Я распоряжусь, чтобы гостей пока принимали в садовой зале. Потом поговорим без посторонних.

Тетка растерялась. Ей нравился Савелий, она сама поощряла нашу свадьбу. Но распоряжаться мной таким тоном в моем же доме она не позволяла даже покойному отцу.

– Варя сама поднимется, когда захочет, – сказала она наконец. – А вы бы лучше объяснили, что это за мех.

Я посмотрела на нее с благодарностью. Савелий улыбнулся, но глаза остались холодными.

– Я все объясню, когда она придет в себя. А сейчас нужно обеспечить ей покой.

Он повернулся к дворовому управителю.

– Передай моим людям: до особого распоряжения никого со двора не выпускать. Ночью сюда проник посторонний. Не хочу, чтобы он вернулся.

Управитель не двинулся.

– Это распоряжение хозяйки? – спросил он.

Савелий взглянул на меня. Я почувствовала, как внутри все сжалось.

– Нет, – ответила я. – Ворота остаются открытыми для работников и гостей. Сторожа не должны задерживать никого без моего приказа.

– Варя, – сказал Савелий, – сейчас дело не в твоей гордости.

– И не в твоей. Это мой дом.

Он некоторое время смотрел на меня, затем кивнул управителю.

– Выполняй, как велит хозяйка. Только поставь людей у ворот, чтобы незнакомец не повторил ночной визит.

Я не обольщалась: сторожам платил Савелий, и они знали, чей приказ выполнять.

Прасковья Матвеевна потребовала воды. Ульяна ушла за графином. Управитель поспешил во двор, явно не желая оставаться свидетелем семейной ссоры. Я стояла рядом со столом, стараясь не выдать облегчения от того, что Савелий наконец отошел.

– Я прошу дать мне немного времени, – сказала я. – Сейчас хочу побыть одна.

– Согласен, – неожиданно ответил он. – Ульяна проводит тебя наверх. Сегодня никто не станет тревожить тебя без необходимости.

Я взяла папку. Савелий заметил движение.

– Оставь бумаги. Их сегодня хватит.

– Это мои книги.

– Да ради бога, Варвара. Неужели ты думаешь, что я собираюсь отнять у тебя ведомости?

Я не ответила.

На лестнице тетка шла рядом, придерживая меня под локоть. Ее ладонь была горячей.

– Я не понимаю, – прошептала она. – Ты точно решила?

– Да.

– Не из-за того мужчины?

– Из-за того, что узнала о Савелии.

– А разве ты уже все узнала?

– Нет. Этого и боюсь.

Мы остановились возле моей комнаты. Тетка обернулась на лестницу и понизила голос еще сильнее.

– Ты мне можешь рассказать все. Но сначала сядь и поешь. Ты с утра ничего не ела.

Мне хотелось обнять ее, как в детстве, когда она приезжала к нам после зимней дороги, привозя горячие лепешки в меховом свертке. Но я услышала снизу знакомый голос Савелия и заставила себя сохранить спокойствие.

– Позже, тетушка. Мне нужно кое-что собрать.

– Куда ты собралась?

Я ответила не сразу.

– Пока не знаю.

Она посмотрела на папку, потом на меня и вдруг отступила, освобождая проход.

– Запри дверь. Я сама принесу тебе поесть.

Я вошла в комнату и повернула ключ. Через несколько минут снизу донесся торопливый мужской разговор. Слова разобрать не удалось, но в голосе Савелия появилась та резкая деловитость, с которой он обычно отдавал распоряжения грузчикам перед отправкой. Я подошла к окну.

На заднем дворе стояли двое незнакомых мужчин. Один, широколицый, в короткой кожаной куртке, говорил с нашим сторожем. Второй проверял засов на боковой калитке. Когда сторож попытался возразить, широколицый положил ему руку на плечо и что-то сказал. Тот отступил.

Никто из моих работников не позволил бы себе запирать калитку днем, когда в доме готовились к большому приему. По ней носили воду, выносили золу и принимали часть припасов. Но люди Савелия уже делали это.

Я открыла шкаф. Небольшая дорожная сумка лежала на верхней полке. Обычно я брала ее в поездки на пристань или к родственникам. Уложила чистую рубаху, теплые чулки, запасной платок. Сверху положила сухие хлебцы из шкафа и маленькую флягу воды. Потом достала деньги.

Золотые монеты Егор хранил в глиняной банке из-под меда. Я долго над ним смеялась, пока однажды не увидела, как ловко он спрятал банку от заглянувшего по делу кредитора. После его смерти я переложила сбережения в шкатулку с двойным дном. Часть оставалась в городском счетном доме, но этого я взять сейчас не могла.

Небольшой кошелек с наличными вошел в потайной карман на внутренней стороне платья. Документы я сложила в кожаный чехол и завязала тесемками. Не все. Только те, которые подтверждали мое право на дом и пристань, договор аренды и копии двух ведомостей. Остальные книги остались в шкафу. Унести всю контору я все равно не сумела бы.

Снаружи послышались шаги. Кто-то постучал.

– Варвара, – позвал Савелий. – Открой.

Я замерла.

– Что тебе нужно?

– Поговорить. Без тетушки и прислуги. Я был резок и хочу извиниться.

Он умел просить прощения. Раньше это всегда действовало на меня сильнее подарков.

– Я пока не готова, – ответила я.

– Хорошо. Тогда открой хотя бы затем, чтобы я убедился, что ты в порядке.

– Я в порядке.

За дверью помолчали.

– У меня есть новости о мехе.

Я подошла к двери, но не тронула ключ.

– Какие?

– Выяснил, от кого он пришел. Это можно исправить. Мы вернем деньги, избавимся от сомнительного посредника. Все останется между нами.

– Кто посредник?

– Я расскажу, когда откроешь.

Я вспомнила его руку, лежавшую на папке, и улыбку, с которой он распорядился поставить людей у ворот.

– Говори через дверь.

– Варвара, я не мальчишка, чтобы объясняться в коридоре. И ты уже не девочка, которой позволено капризничать перед гостями.

Впервые он говорил со мной так. Я почувствовала, как пальцы сами сжали чехол с документами.

– Уходи, Савелий. Я не стану открывать.

За дверью что-то глухо стукнуло. Возможно, он ударил ладонью по стене. Затем шаги удалились.

Я подождала еще немного и осторожно отодвинула занавеску. Широколицый мужчина теперь стоял у крыльца. Он снял шапку, и я увидела короткие рыжеватые волосы. Савелий вышел к нему на улицу, говорил быстро, указывая в сторону дома. Мужчина кивнул и отправил второго к калитке.

Внизу снова зазвучали голоса. Из обрывков я разобрала свое имя и слово «бумаги».

Не было смысла ждать, пока дверь моей комнаты откроют без моего согласия.

Я взяла сумку и подошла к внутреннему шкафу, в котором хранились покрывала. За ним начинался старый дымоход; раньше по соседству с ним, этажом ниже, находилась угольная кладовая. Егор устроил из нее отдельный выход в хозяйственный переулок, чтобы возчики не таскали уголь через гостевые комнаты. После его смерти угольную дверь почти перестали открывать. Новые сторожа о ней могли не знать.

Пробраться к ней можно было через прачечную на первом этаже. Мне требовалось спуститься туда незамеченной.

Ульяна постучала условным коротким стуком, который мы обе знали с тех пор, как она начала носить мне по утрам кипяток.

– Госпожа? Это я.

Я открыла. Девушка стояла с подносом. На нем лежали хлеб, сыр, яблоко и кружка горячего молока. Лицо у нее было красное, будто она только что бежала по лестнице.

– Что происходит внизу? – спросила я.

Ульяна оглянулась.

– Пришли люди Савелия Фомича. Он велел никого не выпускать, пока не проверят, кто вчера забрал мех. Ваш управитель спорит. Госпожу Прасковью отправили к гостям, сказали, чтобы не волновалась.

– А ты почему прибежала?

– Я слышала, как один из мужчин сказал, что нужно забрать ваши счета. Он еще спросил про ключи от шкафа.

Я почувствовала холод в груди.

– Ты знаешь, как пройти в прачечную, не выходя в парадные сени?

– Через заднюю лестницу и кухню. Сторож стоит у выхода во двор, а не у печей. Только кухарка...

– Кухарке скажешь, что меня отправили наверх отдыхать, а сумку несешь со старыми вещами на чердак. Не спорь ни с кем и не лги больше, чем придется.

Ульяна посмотрела на меня.

– Вы уходите?

– Да.

– Я с вами.

– Нет. Тебе нельзя из-за меня попадать в беду. Когда уйду, скажешь тетушке, что я сама вышла из дома. Остальным ничего не объясняй.

Девушка упрямо выставила подбородок. Потом все же согласилась. Мы поменялись ношей: я взяла поднос, она прикрыла мою сумку покрывалом, как будто несла белье. Так мы спустились по задней лестнице, где обычно бегали служанки и носили из кухни теплую воду.

На первом пролете нам навстречу поднялась кухарка с корзиной яблок.

– Куда это вы? – удивилась она. – Госпожа, вам нельзя ходить к печам перед самой свадьбой!

– Свадьбы не будет, Настасья, – сказала я. – А поесть мне все-таки нужно. Пропустите, пожалуйста.

Кухарка покачала головой, но отошла. Я видела, как она проводила взглядом Ульяну и ее сверток. Остановить нас она не попыталась.

В кухне кипели два котла. Поварята спорили из-за теста, на длинном столе стояли рядами формы для пирогов. Мы прошли через все это обыкновенным шагом. Я держала поднос перед собой и даже сделала вид, что ищу свободное место, чтобы поставить его.

У самой прачечной дорогу перегородил мужчина в кожаной куртке. Это был тот самый широколицый, которого я видела из окна.

– Госпожа Берестова, – произнес он, снимая шапку. – Вас ищут.

– Кто?

– Савелий Фомич. Просил не оставлять вас одну.

– Какое счастье, что вы меня нашли. Я шла в прачечную за чистыми полотенцами. Сами понимаете, сколько у нас гостей.

Он не улыбнулся.

– Я провожу.

– Не нужно. Отчего вы вообще стоите в моей прачечной?

Мужчина взглянул на поднос, затем на Ульяну с покрывалом.

– Времена неспокойные. Велено смотреть, чтобы ничего не пропало.

– Тогда начните с серебряных ложек в гостевой. И не мешайте работникам.

Я попыталась пройти мимо. Он поднял руку, преградив дорогу.

– Простите. Мне приказано доставить вас в большую горницу.

– Кем приказано?

– Савелием Фомичом.

– Он мой жених, а не хозяин этого дома. Вернее, уже даже не жених. Отойдите.

Снаружи раздался женский крик. Кухарка бранила поваренка за перевернутый противень. Мужчина на миг повернул голову. Я прошла мимо, и он успел схватить меня за рукав.

Ткань натянулась у плеча.

– Пустите, – сказала я.

– Не могу.

Ульяна бросила покрывало ему под ноги, будто выронила от испуга. Пока он освобождал сапог, девушка толкнула меня к двери прачечной.

– Идите!

Я влетела внутрь. Ульяна успела сунуть мне сумку, прежде чем я захлопнула дверь и опустила тяжелый железный засов. Тут же снаружи ударили в доски: долго он не выдержит.

В комнате стоял горячий пар. У стены сохли полотенца, под ногами была лужа от разлитой воды. Я схватила сумку и бросилась к угольной двери.

Задвижка заржавела. За моей спиной снова ударили в дверь. Дерево жалобно треснуло.

Я дернула задвижку обеими руками. Та пошла, оставив на ладони бурую полосу. Из щели потянуло холодом и запахом сырой золы.

Тесный проход вывел к низкой дверце, которую много лет назад установил Егор. Я толкнула ее плечом и вывалилась в переулок между нашим домом и пекарней.

Здесь стояли пустые ящики, бочка с дождевой водой и сломанная тачка. Никого не было.

Я захлопнула дверцу и несколько секунд простояла, прислушиваясь.

В доме кто-то звал Савелия. Голоса быстро приближались. Я побежала.

На углу переулка пришлось остановиться, чтобы не врезаться в мальчика с корзиной свежих булок. Он выругался, потом увидел меня и попятился.

– Госпожа Берестова? Вы же сегодня...

– Купи себе что-нибудь сладкое, – сказала я и сунула ему монету. – И ничего обо мне не рассказывай.

Он смотрел вслед с таким изумлением, что я пожалела об этой нелепой просьбе. Наверняка теперь весь квартал будет знать, что невеста Горина неслась мимо пекарни с дорожной сумкой и подкупала детей.

Я свернула к старому рынку. Между домами тянулись узкие улицы, на которых уже открывались лавки. Люди разгружали телеги, торговки раскладывали зелень. Пахло мокрым деревом, горячим хлебом, конским потом и свежей рыбой. Мне хотелось раствориться среди этого обычного утреннего движения.

С первого звона прошло немало времени. Радан обещал ждать у старой весовой, но не говорил, до какого времени. Если он ушел, придется самой искать, где укрыться за городом. Другой встречи мы не назначили.

Я ускорила шаг. На пересечении с Купеческой улицей увидела знакомую лошадь.

Гнедую кобылу с белой звездочкой держал один из Савелиевых возчиков. Рядом стояли двое мужчин в дорожных куртках. Они не торговались и не разговаривали с продавцами. Один смотрел в мою сторону.

Я повернула к молочной лавке, словно собиралась купить сыр.

– Госпожа! – позвал кто-то за спиной.

Я не остановилась.

– Госпожа Берестова!

Я узнала голос одного из людей Савелия. Они добрались до рынка раньше меня.

У входа в лавку стояла широкая корзина с пустыми бутылками. Я обошла ее, почти не задев, и прошла через навес к соседнему двору. Там женщина мыла стол, а возле бочки дремала собака.

– Можно я выйду через вашу калитку? – спросила я на ходу.

Женщина взглянула на меня.

– Да выходите, ежели не утащили ничего.

Я поблагодарила и двинулась дальше. В переулке за двором пришлось снять накидной платок: он цеплялся за гвозди в заборе. Волосы выбились из косы, холодный воздух обжигал шею.

Сзади раздался топот. Теперь меня действительно преследовали. Я никогда не умела бегать быстро. В молодости мы с Егором посмеивались над тем, что я могу часами ходить по пристани, но на ровном месте спотыкаюсь, стоит кому-нибудь крикнуть «скорее». Сейчас я едва удерживала сумку и чувствовала, как подошва левого сапога скользит по мокрому камню.

Улица вывела на рыночную площадь. Старая весовая стояла у дальнего ряда, где раньше принимали зерно и муку. Низкое каменное строение с деревянным навесом давно не работало. На его дверях висела проржавевшая цепь, а под крышей продавцы иногда прятались от дождя.

Возле весовой стоял человек в темном плаще. У его ног, под навесом, лежали два перевязанных дорожных свертка.

Я узнала его по неподвижной осанке раньше, чем увидела лицо.

– Радан! – крикнула я.

Он обернулся. В тот же миг один из преследователей настиг меня и ухватил за локоть.

– Госпожа, пойдемте спокойно. Савелий Фомич велел вернуть вас домой.

– Отпустите!

Мужчина потянул меня назад. Сумка ударила меня по боку, документы больно впились в ребра. Я попыталась вывернуться, но хватка только усилилась.

– Она сказала отпустить, – произнес Радан.

Он оказался рядом так быстро, что я не заметила первых шагов.

Мужчина повернул к нему голову.

– Не лезь, лесной. Дело семейное.

– Это не моя семья, – сказала я и дернула рукой. – Я никуда с ним не пойду.

Радан посмотрел на меня, словно убеждаясь, что я действительно отказываюсь.

– Вы слышали, – сказал он преследователю.

Тот ругнулся и достал из-за пояса короткую дубинку. Следующие несколько мгновений я запомнила плохо. Радан шагнул не вперед, а в сторону, заставив мужчину повернуться. Дубинка ударила по каменному углу навеса. Радан перехватил его кисть и вывел руку из захвата. Раздался вскрик. Преследователь отпустил меня и отшатнулся, прижимая локоть к груди.

Второй мужчина подбежал сзади. Я успела увидеть блеск ножа и закричала. Радан толкнул меня за деревянную стойку весовой, а сам отступил к пустой тележке, стоявшей у стены. Нож полоснул край его плаща.

Тележка качнулась. Радан ударил нападавшего в плечо так, что тот навалился на нее всем весом. Колесо соскочило с подставки, посыпались деревянные мерки. Человек с ножом упал среди них, ругаясь от боли.

На площади поднялся крик.

– Стражу! – вопила торговка рыбой. – Дерутся среди бела дня!

– Не к городской страже, – выдохнула я. – Савелий знает там всех.

Радан взглянул на меня.

– Можете идти?

– Да.

– Тогда за мной.

Он указал на узкий проход между весовой и пустым складом. Я подобрала сумку, упавшую возле ступеней. Радан подхватил из-под навеса свои свертки, и мы побежали.

За спиной раздался свист. Кто-то кричал, чтобы закрыли улицу. Я услышала имя Савелия, произнесенное одним из преследователей, и побежала еще быстрее.

Радан свернул в длинный двор, миновал конюшню и вывел меня к каменной лестнице, уходившей вниз к воде. Здесь когда-то разгружали небольшие лодки, но после постройки нового причала место почти забросили.

Я спустилась на несколько ступеней и остановилась, хватая воздух.

– Подождите. Я больше не могу так бежать.

Радан посмотрел наверх.

– За нами пока никого. Сядьте.

Я опустилась на холодный камень. В груди кололо. Левое запястье болело там, где меня схватили. Сумка лежала у ног, покрытая дорожной грязью.

Он присел неподалеку, следя за верхним краем лестницы.

– Что случилось?

Я попыталась ответить и закашлялась. Радан протянул мне флягу, но я показала, что у меня есть своя. Открыла пробку дрожащими пальцами, сделала несколько глотков.

– Я поговорила с Савелием.

– Понял.

– Он знает о пленнице. Не говорит, где она, но знает. И о том, что шкура принадлежит живой женщине. Он видел запись о ее перевозке на моей пристани.

Радан не перебил. Я откашлялась и продолжила:

– Сначала обещал все исправить. Потом проговорился о пленнице: ее не выпустят, даже если вернуть шкуру. А когда я отказалась выходить замуж, велел поставить людей у ворот. Меня пытались запереть в доме. Он отправил людей за бумагами.

Я вынула кожаный чехол из сумки.

– Кое-что удалось забрать. Договор, ведомости, записи о грузе. Не знаю, сколько этого достаточно для суда.

Радан посмотрел не на бумаги, а на мое запястье.

– Это сделал кто-то из его людей?

На коже уже проступали багровые следы пальцев.

– Один из тех, кто догнал меня у рынка. Пустяки.

– Не пустяки.

Я подняла на него глаза. Он не стал касаться моей руки, лишь присмотрелся, нет ли раны. Потом отступил, когда понял, что кожа цела.

– Вы говорили, что у вас впереди свадьба, – сказал он.

– Говорила.

– И вы ее отменили?

– Да. При тетушке и слугах. Кольцо оставила на столе.

Он некоторое время молчал. Мне почему-то захотелось объяснить ему все сразу: как Савелий ухаживал, как приносил груши, как мы собирались жить после венчания. Что я не была глупой женщиной, поверившей первым попавшимся сладким словам. Что я действительно любила спокойствие, которое он мне обещал, и думала, что нам будет хорошо вместе.

Но Радан не спрашивал, почему я собиралась выйти за Горина. Он лишь прислушивался к рынку над нами.

– Мне жаль, – произнес он наконец.

Я усмехнулась без всякой радости.

– Если бы вы пришли позавчера, я бы сейчас еще и поблагодарила вас за избавление от свадебного ужина. Там собирались подать заливную щуку, которую я терпеть не могу.

Радан посмотрел на меня. На мгновение угол его рта дрогнул.

– А сегодня?

– Сегодня я лишилась жениха, нескольких часов сна и, возможно, дома. Так что с благодарностью придется подождать.

– Вы не лишились дома.

– Там остались его люди. И тетка. И слуги. А сам он уже говорит, что у меня от волнения помутился рассудок. Не знаю, что успеет придумать к вечеру.

Я услышала, как он тихо выдохнул.

– На площади было слишком много свидетелей. Его люди вряд ли решатся сразу продолжать погоню. Но домой вам возвращаться нельзя.

– Я не собиралась.

– У вас есть родственники за городом?

– Есть двоюродная сестра в Листове. До нее два дня по реке, если вода не замерзнет. И тетушкина племянница по мужу где-то в трех деревнях отсюда, но я даже дорогу не помню.

– Сначала нужно выйти из Реченска. Потом решим, кому передать весть.

– Вы заранее знаете, куда идти?

– Есть постоялый двор у старого лесного пути. Хозяйка знакома с моими людьми. Там можно отдохнуть и отправить письмо.

Я закрыла флягу. Казалось, он уже все решил за нас обоих, однако произнес следующее прежде, чем я успела возразить:

– Если хотите, я провожу вас туда и уеду. Потом решите, что делать дальше. Вы мне ничего не должны.

Я посмотрела на узкую полоску воды за каменной лестницей. Река несла желтые листья, стукалась о сваи. Выше, за складами, продолжался мой город: привычные улицы, знакомые лавки, дом, в котором я знала каждую скрипучую доску.

Мне было невыносимо уходить из собственного города беглянкой. Но оставаться пока было опаснее.

– Проводите, – сказала я. – Только, пожалуйста, не считайте меня хрупкой барышней. Сумку я понесу сама.

Радан взглянул на нее. Пришлось признать, что смотрел он не без основания: сумка была тяжелой, а у меня уже начинало болеть плечо.

– Как скажете.

Он поднялся и протянул руку. Я оперлась на нее, встала и сразу отпустила. Ладонь у него была теплая, чуть шершавая. Совсем человеческая.

Наверху снова послышались голоса. Мы замерли, пока мимо проходили люди, споривших о цене дров. Потом Радан повел меня вдоль старой набережной, где стены складов закрывали нас со стороны рынка.

Мы шли быстро, но уже не бежали. На развилке он остановился, пропуская телегу с пустыми бочками. Я заметила у него на плаще длинную прореху.

– Вас ранили?

– Нет. Нож задел только ткань.

– Покажите.

Он повернул плечо. Под прорезанным сукном была целая рубаха, без крови. Я осторожно отвела край ткани и убедилась, что он не лжет.

– Хороший плащ, – сказала я. – Теперь испорчен.

– Еще послужит.

– Вы так говорите, потому что вам его не штопать.

Он посмотрел на меня с неожиданным любопытством.

– Вы умеете?

– Штопать? Конечно. У меня был муж, который умудрялся рвать одежду о каждый второй гвоздь на пристани.

Я осеклась. Слишком легко прозвучало слово «муж» рядом с человеком, который только что помог мне бежать от жениха.

Радан не сделал вид, будто не заметил.

– Он умер?

– Четыре года назад.

– Соболезную.

– Спасибо.

Мы прошли еще несколько шагов. Я ждала вопросов, но он не спрашивал. От этого молчания стало немного легче.

У дальних складов городская стена переходила в земляной вал. По старому рыбачьему проходу можно было выбраться к огородам, не появляясь на главной дороге. Я знала это место по временам, когда Егор любил проверять ночные стоянки лодок и водил меня с собой. Теперь тропинка заросла, зато следов недавней стражи на ней не было.

– Здесь можно пройти, – сказала я, указав на низкий мостик через канаву. – Раньше рыбаки носили оттуда сети. Если доски еще целы, выйдем за вал у огородов.

Радан оглядел мостик.

– Вы уверены?

– В том, что он там был, уверена. В досках нет.

Он первым ступил на настил, проверил две прогнившие доски и показал, куда поставить ногу. Я перешла следом, придерживая сумку.

За валом стояли последние городские дома, дальше начинались влажные луга. Впереди темнела широкая полоса леса. Черные ели поднимались над желтыми березами, и между ними висел утренний туман.

Я остановилась. Всю жизнь я видела Черный лес издалека. Он лежал к северу от Реченска, за дорогами, которые люди предпочитали не покидать без проводника. Купцы рассказывали о нем страшные истории, пастухи пугали им детей. После вчерашней ночи я уже не знала, чему верить, но лес по-прежнему казался чужим.

Позади остался город. Я не могла разглядеть отсюда крышу своего дома, зато прекрасно представляла, что там происходит: тетка ищет меня, Савелий объясняется с гостями, Ульяна пытается не расплакаться под чужими вопросами. В моей спальне висит платье, которое никто не наденет на свадьбу. На столе лежит кольцо.

Впереди была дорога, о которой я знала слишком мало. Я посмотрела на свои руки. На запястье темнели синяки. Пальцы пахли железом от старой задвижки. В складке юбки засохло пятно угольной пыли. Мне хотелось вымыться, поесть горячего и хотя бы один час не решать, кому можно верить.

Радан остановился чуть поодаль, позволяя мне оглянуться столько, сколько потребуется.

– Мы успеем до темноты? – спросила я.

– Если выйдем на тропу сейчас. Дальше дорога будет тяжелее.

Я хотела сказать, что устала. Что болят ноги. Что вчера вечером думала о завтрашнем счастье, а теперь не уверена, найдется ли место, где можно спокойно закрыть за собой дверь. Вместо этого поправила ремень сумки.

– Тогда пойдем.

Над ельниками поднялась стая птиц. Ветер потянул с леса запах влажной хвои и темной земли.

Я оглянулась еще раз, уже без надежды увидеть чей-нибудь знакомый силуэт у городского вала.

Черный лес, забери меня, подумала я. Хотя бы на время спрячь от тех, кто решил, что может распоряжаться моей жизнью.

Лес не ответил. Над деревьями не вспыхнул свет, не зашевелились ветви, не открылась чудесная дорога. Только Радан, услышав, как я снова ступила на мокрую землю, повернул к тропе и пошел чуть медленнее, чтобы мне не пришлось бежать за ним.

Я последовала за ним сама.

Глава 3. Ольховый дым

За городским валом дорога еще некоторое время оставалась дорогой. В колеях стояла рыжая вода, по обочинам лежали скошенные стебли, а у последнего огорода кто-то выставил корыто для дождя. Я знала такие места: сюда пастухи выгоняли скот, здесь дети собирали позднюю рябину, а зимой, если река вставала, проходили обозы с дровами.

Потом огороды кончились. Слева потянулись заболоченные луга, справа поднялись ели, и колея сузилась до тропы, по которой два человека могли идти рядом, только если один соглашался продираться сквозь ветки.

Радан шел первым. Он не оглядывался каждые десять шагов и не спрашивал, устала ли я. Зато, прежде чем перейти ручей по скользкому бревну, проверил его сапогом, а у низкой ветки придержал мокрую лапу ели, пока я не прошла. Оставаться благодарной за такие пустяки было проще, чем признаться, что я уже устала.

Свадебные сапоги я, к счастью, оставила дома. На мне были старые, крепкие, с жесткой пяткой. Они выдерживали поездки на пристань, но не были рассчитаны на корни, торчащие из земли под самыми неожиданными углами. Через час ходьбы пятку начало тереть. Через два я знала каждый шов внутри левого сапога.

– Далеко еще? – спросила я, когда Радан остановился у раздвоенной сосны.

– До Ольхового двора успеем засветло.

– Я спрашивала не о том, успеем ли.

Он повернулся, посмотрел на мои сапоги и на сумку, которую я то и дело перебрасывала с плеча на плечо.

– Если пойдем прежним шагом, часа три. Если медленнее, больше.

– Прекрасно. Значит, у меня есть время возненавидеть лес окончательно.

– Пока вы ненавидите главным образом дорогу.

– У леса, выходит, есть защитник.

– У него хватает врагов без меня.

Я не удержалась от улыбки. Радан заметил ее и снова повернулся к тропе. Он явно считал разговор законченным, но теперь мне стало чуть легче идти.

Мы пересекли открытый участок, где ветер гнал по сухой траве листья. За кустами показался одинокий сарай с проваленной крышей. На гвозде у двери висело ржавое кольцо для привязи лошадей. Когда-то здесь останавливались возчики; теперь на досках темнели следы старого костра.

Радан оглядел землю возле сарая.

– Здесь проехали двое верховых, – сказал он.

Я посмотрела на отпечатки копыт. Свежих следов за последние дни набралось столько, что разобраться в них казалось невозможным.

– За нами?

– Не знаю. Лошади двигались к городу. Мы пока идем в другую сторону.

Я всматривалась в следы. Как ни старалась, не могла даже определить, в какую сторону шли лошади.

Мы свернули к низкому берегу ручья. Там Радан снял с плеча мешок с серебряной шкурой Лады и поставил его на сухой камень. Затем достал из своей сумки кусок хлеба, завернутый в ткань, и протянул мне половину.

– Когда успели взять? – удивилась я.

– Купил у торговца, пока ждал вас у весовой. Хлеб и сыр.

– И ничего не сказали?

– Вы не спрашивали.

– Удобный способ обращаться с людьми. Можно целый день носить хлеб и ждать, когда человек догадается попросить.

Радан посмотрел на меня с некоторым недоумением, потом развернул второй сверток.

– Сыра тоже хотите?

– Очень.

Мы ели молча. Вода в ручье была темная от торфа; на середине течение быстро подхватывало опавшие листья и уносило под свисающие корни ольхи. Я ополоснула руки из фляги. Радан присел у берега, смочил пальцы в воде и коснулся влажной земли.

– Дождь будет до вечера, – сказал он.

– По чему определили?

– По тучам.

Я подняла голову. Над деревьями действительно собиралась сплошная серая пелена.

– Я уже начала думать, что вы все знаете по запаху.

– Запах тоже помогает. Но облака обычно надежнее.

Я посмотрела на него сбоку. Со вчерашней ночи мне не давало покоя превращение, увиденное в дровянике. В зверином облике он стоял передо мной совершенно неподвижно, позволяя убедиться, что я не схожу с ума. Сейчас же осторожно срезал ножом испорченный край сыра, потому что тот успел набрать влаги. Два облика умещались в одном человеке, и мне все еще не удавалось привыкнуть к этой мысли.

– А след сестры вы не можете найти по запаху? – спросила я.

Радан закончил с сыром и убрал нож.

– Если бы знал, где она проходила недавно, попытался бы. Но Ладу увезли три недели назад. За это время были дожди. После постоялого двора я нашел следы повозки, а потом дорога вышла к воде. Дальше уже не было ничего, за чем можно идти носом.

– Значит, вы пошли по бумагам?

– По людям. Один возчик видел закрытую повозку. Другой слышал разговор о редком мехе. Скорняк назвал посредника, которому передал готовую накидку. Посредник долго уверял, что не помнит покупателя.

– А потом вспомнил?

– Вспомнил.

О том, как удалось освежить память посредника, он умолчал. Расспрашивать я не стала.

– Вы уверены, что у скорняка была именно ее шкура?

– Накидку делали из цельного меха. Он описал старый рубец, спрятанный под подкладкой. Лада получила рану еще подростком, когда пыталась сама перескочить через каменную осыпь.

– Она была непослушной?

Радан посмотрел на ручей.

– Она часто делала то, что считала правильным, не спросив меня.

– А нужно было спрашивать?

– Иногда не мешало бы.

По его лицу я поняла, что этот разговор еще не закончен для него самого. Я вспомнила, как Савелий рассердился из-за моего желания проверить торговую накладную, и предпочла пока промолчать.

Ветер донес первые капли. Радан первым поднялся, затянул мешок с мехом и проверил, не промок ли холст.

– Пора.

Я сунула оставшийся хлеб в карман и встала. Пятка отозвалась болью. Пока я шла, поврежденное место будто немело, но стоило остановиться, и каждый новый шаг начинался заново.

Радан направился к деревьям. Я успела сделать три шага, прежде чем он оглянулся.

– Покажите ногу.

– На ходу?

– Можете присесть.

– Я не ребенок, которому натирают ботинки в первый день прогулки.

– Я заметил.

В его голосе не было насмешки. Именно это почему-то разозлило меня сильнее, чем обычная мужская самоуверенность. Я стояла, чувствуя, как дождь собирается на волосах, и понимала, что продолжать спор только ради собственного достоинства глупо.

– Пятка стерта, – призналась я. – Но я дойду.

– Не сомневаюсь. Только сначала положите сюда немного ткани, иначе к вечеру пойдете по крови.

Он достал из сумки чистую узкую полоску полотна. Я сняла сапог, отвернулась и осторожно отлепила чулок от кожи. Увиденное мне не понравилось: под пяткой вздулся пузырь, край уже лопнул.

– В хозяйстве вы, наверное, тоже так делаете, – заметил Радан, не приближаясь. – Сначала ждете, пока сломается колесо, потом думаете о ремонте.

– В хозяйстве у меня есть рабочие, которые жалуются раньше, чем колесо сломается.

– Тогда стоит у них поучиться.

Я приложила ткань и натянула чулок. Радан подождал, пока я обуюсь, затем забрал мою сумку. Протест я начала раньше, чем он успел перекинуть ремень через плечо.

– Я сама могу ее нести.

– Знаю. Сейчас у меня руки свободнее.

Он пошел дальше, не прибавив ни слова. Я могла бы снова отнять сумку, но решила сберечь силы для более важного спора.

К вечеру дождь сделался мелким и настойчивым. Дорога, сперва казавшаяся довольно широкой, нырнула между елей и вышла к узкому мосту. На другой стороне стояла длинная крыша постоялого двора. Из трубы поднимался белесый дым, а возле ворот была привязана гнедая кобыла с мокрой попоной.

Я узнала двор прежде, чем прочитала вырезанную на дощечке надпись. Здесь мы с Егором однажды ночевали после неудачной поездки за древесным углем. Тогда у нас треснула ось подводы, и хозяйка дала мужу инструменты, хотя до этого он успел перессориться с половиной ее работников.

– Евдокия? – спросила я.

– Вы знакомы?

– Приходилось иметь дело. Если она по-прежнему держит Ольховый двор, я знаю хотя бы одного человека, который не станет спрашивать, какую цену я назначила за собственную голову.

– Она может спросить, почему за вами идут люди Горина.

– На это я отвечу.

Я расправила плечи и зашла во двор вслед за ним.

Евдокия открыла дверь сама. В одной руке держала большой медный черпак, другой вытирала о передник муку. Она была коренастой, широколицей, с рыжеватыми волосами, собранными под платком. Сначала посмотрела на Радана, затем на меня, и ее брови поднялись так высоко, что стали видны морщинки у самого лба.

– Варвара Берестова? С какой радости в таком виде? Ты же, говорят, сегодня замуж выходишь.

– Передумала.

Евдокия перевела взгляд на мою грязную юбку и разодранный край плаща Радана.

– Вижу, не сразу.

Она распахнула дверь шире.

– Заходите. А то мне потом полы отмывать от вашего героизма.

Внутри было жарко. Печь топили ольховыми поленьями, и пахло дымом, луком, печеной репой и кислой капустой. В просторной комнате за двумя столами сидели путники, большей частью возчики. У дальней стены старик чинил ремень. Никто особенно не удивился нашему появлению: люди в мокрой одежде приходили сюда каждый день.

Евдокия отвела нас в маленькую комнату за кухней, закрыла дверь и поставила черпак на подоконник.

– Сядьте. Оба. Теперь рассказывайте, – распорядилась она.

Радан остался стоять.

– Сначала я хочу убедиться, что сюда не добрались люди Горина.

– А я хочу убедиться, что ты не приволок женщину против ее воли, – ответила Евдокия. – Так что посидишь, пока спрошу.

Она повернулась ко мне.

– Варвара, ты здесь потому, что сама захотела?

– Да.

– Он тебе угрожал?

– Нет.

– Силой увел из города?

– Наоборот. Помог уйти от людей жениха. Бывшего жениха.

Евдокия не стала расспрашивать о разбитом сердце. Осмотрела мое запястье и испачканный подол, затем повернулась к Радану:

– Тогда покажи, кто за вами идет. И объясни, почему мне придется встретить их у моих ворот.

Радан коротко рассказал о ночном возвращении шкуры и утренней стычке у весовой. Он назвал Савелия, не прибавляя ни обвинений, которые еще нельзя было доказать, ни угроз, которыми мог бы запугать хозяйку. Я дополнила его рассказ сведениями о ведомостях и распоряжении запереть дом.

Евдокия слушала, поджав губы. Когда мы закончили, она ткнула пальцем в мою сумку.

– Бумаги у тебя?

– Часть.

– Деньги?

– Хватит на дорогу и жилье.

– Чей дом?

– Мой.

– Стало быть, сама невеста не пропала вместе с приданым, как наверняка расскажут к вечеру. Хорошо. А теперь разувайся.

– Что?

– Сапоги снимай. Ты стоишь так, будто гвоздь в пятку загнала.

Я посмотрела на Радана. Он сделал вид, что занят ремнем своей сумки.

Через четверть часа я сидела возле печи, завернутая в сухой шерстяной платок. На ногах были мягкие домашние башмаки Евдокии, поверх поврежденной пятки лежала чистая повязка. Мои сапоги сушились на решетке достаточно далеко от огня, чтобы кожа не задубела. Хозяйка объяснила это прежде, чем я успела попросить ее не совать обувь прямо в жар.

– Не первый раз принимаю путников, – отрезала она. – И не первый раз вижу, как городские люди губят хорошие сапоги, стараясь высушить их за час.

Она принесла густую похлебку с ячменем и грибами, поставила хлеб, соль и глиняный кувшин горячего настоя. Я ела так жадно, что лишь на середине миски вспомнила о приличиях.

– Спасибо, – сказала я. – У тебя все такое же вкусное, как прежде.

– Прежде твой Егор просил добавки четыре раза. Если бы он тогда не сломал ось, я бы решила, что вы нарочно остановились кормиться за мой счет.

Я засмеялась. Смех пришел неожиданно, вместе с памятью о Егоре, который трижды ходил на кухню спрашивать, нет ли еще похлебки, а потом всю дорогу домой уверял, что Евдокия могла бы разбогатеть на одних супах.

Хозяйка посмотрела на меня и ничего не сказала. За это я была ей благодарна.

После еды она отвела меня на второй этаж. Комната была маленькая, с чистыми простынями, низким окном и тяжелым крюком на внутренней стороне двери. Под кроватью стоял таз для умывания, на стене висело сухое полотенце.

– Здесь можешь запереться, – сказала Евдокия. – Окно выходит на хозяйственный двор. Под ним дровяной навес, если пожар случится. Не случится, если гости не станут курить в постели.

Я огляделась. Тихая комната, дверь с настоящим крюком, запах свежего белья. Еще вчера мне казалось, что безопасность непременно должна быть большим домом, двумя счетными книгами и мужчиной, который обещает все устроить. Сейчас ее обеспечивали чужая кровать и собственная возможность повернуть крюк.

– Сколько я тебе должна? – спросила я.

– Потом сочтемся. Сначала послушай, что скажу. У меня есть лодочники. Завтра ближе к полудню один пойдет вниз по реке, а через два дня можно отправить тебя к твоей сестре в Листов, если захочешь. До самой пристани его люди знают, где остановиться, чтобы не попасть к городскому караулу. За дорогу заплатишь обычную цену, не больше.

– Савелий может искать меня и на реке.

– Может. Потому и говорю про надежных людей, а не про первого встречного. Если не захочешь уезжать, останешься здесь. Мои работники сами решают, кого впускать во двор. Но твой князь над ними не начальник.

– Он не мой князь.

Евдокия фыркнула.

– Мне все равно, чей. Важно, чтобы распоряжения не отдавал. Здесь хозяйка я.

Она показала на крюк.

– А этой комнатой распоряжаешься ты. Отдыхай.

Когда дверь за ней закрылась, я села на кровать и впервые за весь день позволила себе плакать. Негромко, без всхлипов, скорее от усталости и унижения, чем от тоски по Савелию. Было жаль восьми месяцев, в течение которых я училась доверять ему. Жаль тетушки, которая с самого утра принимала гостей, а теперь вынуждена объяснять, что невеста исчезла. Жаль Ульяну, оставшуюся отвечать перед чужими людьми.

Но сильнее всего меня мучило другое: я все еще помнила Савелия таким, каким видела его вчера. Его руку у застежки серебряного меха, заботливо согретую грелку, улыбку над корзинкой с засахаренными корками. Не так просто было соединить эти воспоминания с мужчиной, приказавшим запереть меня в собственном доме.

Я вытерла лицо мокрым полотенцем, потом принялась раскладывать бумаги. Работа помогала, когда мысли становились слишком шумными.

В договоре аренды все оставалось на своих местах. Подписи, печать, сроки. Савелий не мог законно забрать у меня пристань только потому, что свадьба сорвалась. Не мог он и запретить мне обращаться в суд. Но между тем, что человеку позволено законом, и тем, что он сумеет сделать без защиты, лежало довольно широкое поле для чужой наглости.

Я убрала бумаги под матрас, заперла дверь на крюк и легла. Дождь стучал по крыше. Снизу доносился гул голосов и мерное потрескивание ольховых дров.

Проснулась я уже в темноте. Кто-то говорил под окном; лошадь ударила копытом о деревянную стенку стойла. Я некоторое время лежала, узнавая незнакомые звуки, потом поняла, что проспала несколько часов.

У двери стоял кувшин с горячей водой и сложенное платье. Евдокия оставила записку: «Переоденься. Твое сушим. На ужин вниз, когда захочешь».

Я переоделась в ее темно-коричневое шерстяное платье. Оно было широковато в талии и коротковато в рукавах, зато сухим и теплым. Спустившись, застала хозяйку за подсчетом хлебных запасов. Радан сидел у дальнего края стола, а перед ним лежала развернутая карта старых лесных дорог.

Он поднялся при моем появлении. Не поспешил навстречу, не стал расспрашивать о сне. Только подвинул скамью поближе к огню.

– Как нога? – спросил он.

– Благодарит, что ее оставили в покое.

Евдокия, не поднимая головы от счетов, сказала:

– И еще день поблагодарит, если ты не сунешь ее обратно в мокрый сапог.

Я села.

На столе рядом с картой лежал лист с названиями дворов из моих выписок. Я насторожилась и посмотрела на Радана.

– Хозяйка записала названия, которые вы упомянули за обедом, – объяснил он. – Хотим сверить их с картой. Ваши бумаги у вас.

– Я и правда хочу сверить, – сказала Евдокия. – Особенно тот Смоляной двор. Про него у меня давно вопрос.

Она закрыла свой счетный лист и села напротив.

– Осенью туда возили столько сухого белья и крупы, будто поселок строили. Я видела подводы на старой развилке. Два раза заказчик просил моих людей перевезти через ручей закрытые ящики, но отказывался назвать содержимое. Я не взялась.

– Почему? – спросила я.

– Не люблю, когда мне платят за молчание больше, чем за работу. Особенно если на накладной написано одно, а грузят другое.

Она подтянула карту.

– Вон тут старая дорога к смолокурам. Здесь лесная развилка, а дальше низина. Повозки идут мимо моего двора, если не хотят вязнуть в топи. Раньше на Смоляном дворе держали шесть или семь работников. Для них хватало одного воза припасов в неделю. Теперь подвозят втрое больше, а рабочих у печей я видела все тех же.

Я достала выписку.

– На моей пристани тоже увеличились расходы. Топливо, крупа, дважды сухое белье. Но в ведомостях нет ни новых наемных работников, ни новых котлов. Савелий мог скрыть затраты ради уклонения от пошлины, хотя это странный способ экономить.

– Или у него есть едоки, которых не записывают по именам, – сказала Евдокия.

В комнате кто-то поставил дрова у печи. Мы замолчали. За закрытой дверью прогрохотали сапоги, и пахнуло холодным воздухом. Я поймала себя на том, что прислушиваюсь к каждому мужскому голосу. Евдокия заметила это, но не стала комментировать.

– Я не хочу обвинять людей на одних счетах, – сказала я. – По ним можно установить, что везли больше припасов, чем прежде. Не больше.

– Потому и надо смотреть место, – ответила хозяйка. – Не сразу с мечами и криком. Узнать, есть ли там кого искать.

Радан положил палец на лесную дорогу.

– Завтра пошлю человека проверить развилку. Когда будем знать, что там за охрана, сходим сами. В сам двор без подготовки входить нельзя.

– Я пойду с вами, – сказала я.

Он поднял глаза.

– Зачем?

– Потому что знаю пометы на грузах и различу подводы с моего перевоза. Если у двора есть еще один путь отправки, я могу его заметить. Вы хорошо разбираетесь в лесу. Я лучше разбираюсь в том, как торговцы стараются спрятать одну перевозку среди других.

Радан не согласился сразу.

– Там могут быть люди Клима. После того, что произошло утром, они вас узнают.

– Поэтому я не собираюсь подходить к воротам и спрашивать дорогу у сторожа.

Евдокия хмыкнула.

– Первое разумное предложение за этот разговор.

Я не поняла, кому она его засчитала.

– Давайте договоримся, – сказала я Радану. – Я дойду до безопасного места, откуда можно увидеть колеи и следы груза. Вы проверите дальше. Если я окажусь бесполезна, вернемся. Не нужно изображать, будто я умею ходить лесом лучше вас.

Он некоторое время разглядывал карту, затем кивнул.

– Только до старой углежогной площадки. Оттуда просматривается дорога, но не сам двор. Если услышим людей, вы останетесь под укрытием.

– Согласна.

Евдокия постучала ногтем по столу.

– А теперь я скажу то, ради чего вообще пустила вас к карте. Если найдете живых пленников, с одной распоротой подкладкой вы ничего не добьетесь у городских властей. Горин знает там слишком многих.

Я посмотрела на нее.

– К кому тогда обращаться?

– В речной суд. Он заседает в соседнем городе, до него около суток доброго пути. Там рассматривают дела о перевозке людей и незаконных грузах. Но судье нужны не слова о волшебной шкуре, а сведения, которые можно проверить: кто пропал, где держат, кто видел, через чьи руки прошел товар. Нужен кто-то, кто подпишет обвинение и потом подтвердит его под присягой.

– Вы можете передать туда бумаги? – спросила я.

– Могу. Но отправлять сейчас одни подозрения опасно. Люди суда приедут, осмотрят пустой двор, Горин все вычистит, а виноватой останешься ты. Если же появится человек, которого удерживали силой, тогда другое дело.

Радан нахмурился.

– Задерживать поиски до распоряжения суда я не стану.

– И не прошу. Я говорю, что если хочешь остановить торговлю, а не только забрать сестру, без человеческих свидетелей не обойтись.

Он откинулся от стола. Я увидела, что ответ пришелся ему не по вкусу, но возражать он не стал.

– Откуда вы знаете этот суд? – спросила я Евдокию.

Она поправила край передника.

– Пять лет назад я поверила человеку с хорошей печатью. Он привез связанного лесного парня и показал бумагу: будто тот должник, которого ведут отрабатывать долг. Я разрешила остановиться в моем сарае. Утром их уже не было. А через месяц пришла женщина искать брата. У нее были доказательства, что никакого долга не существовало. Я тогда пошла в речной суд и рассказала, что видела.

– Нашли его?

– Не нашли. Нашли только того, кто выдал ложную расписку. С тех пор я запоминаю лица и проверяю, что именно везут через мой двор.

Евдокия смотрела прямо на Радана. Было видно, что этот разговор с волчьим князем она давно вела про себя.

Он ответил не сразу.

– Если бы вы промолчали, не нашли бы даже выдавшего расписку.

Евдокия коротко кивнула.

– Потому и не хочу молчать теперь.

Она поднялась из-за стола, сходила в кухню и вернулась с листом плотной бумаги.

– Варвара, напиши домой. Не объясняй в письме, куда собираешься дальше. Скажи, что уехала по собственной воле, жива, здорова и с тобой ничего не сделали. За твоей теткой, судя по всему, сейчас наблюдают. Я передам письмо через своего человека, не через городскую почту.

Я взяла перо. Руки были уже сухие, но запястье продолжало болеть. Несколько минут я подбирала слова, стараясь не представить, как тетушка сидит в моем доме среди несъеденных свадебных пирогов.

«Дорогая тетушка, я жива и нахожусь в безопасном месте. Из дома ушла сама. Никто меня не похищал и не принуждает оставаться там, где я сейчас. Свадьбу я отменила по собственной воле и решения своего не меняла. Прошу тебя не спорить с людьми Савелия и не отдавать им мои личные вещи и бумаги. Как только смогу, пришлю новые известия. Прости, что заставила тревожиться. Варя».

Я перечитала написанное и поняла, что ни одним словом не могу объяснить ей всего, что случилось. Но это письмо хотя бы не позволяло Савелию безнаказанно рассказывать, будто меня увел лесной зверь.

Евдокия запечатала его своей печатью, убрала в кошель для отправки и положила рядом другой чистый лист.

– Напиши и сестре в Листов, что можешь приехать. Если передумаешь, никто тебя в лодку силой не посадит. Но человек должен знать, что у него есть место, куда он может прийти.

Я посмотрела на Радана. Он по-прежнему сидел у карты и не пытался услышать, что именно я пишу.

На другой день Евдокия отправила оба письма с надежным человеком. Я собиралась сразу идти к Смоляному двору, но пятка распухла так, что сапог пришлось надевать с усилием. Радан привел к Евдокии знакомого лесного проводника, и тот согласился проверить развилку вместо нас. Пока он ходил, мы сверили по карте две дороги, а я заштопала разодранный рукав своего платья. К вечеру проводник вернулся: за двором еще стояла охрана, зато путь к углежогной площадке оставался свободным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.